

ФИЛИП К. ДИК

СТИГМАТЫ
ПАЛМЕРА
ЭЛДРИЧА

**PHILIP
K. DICK**

Филип Киндред Дик

Стигматы Палмера Элдрича

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123835

Филип К. Дик. Стигматы Палмера Элдрича: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-091171-4

Аннотация

На Земле глобальное потепление, идет вынужденная колонизация ближайших планет.

Из экспедиции на Проксиму Центавра возвращается загадочный Палмер Элдрич и привозит с собой в подарок человечеству секрет бессмертия. И окружающая реальность вдруг начинает разрушаться, превращаясь в иллюзию, где Элдрич обладает чудовищной властью бога.

Классический роман Дика, получивший премию Британской ассоциации научной фантастики и номинированный на премию Небьюла.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	50
Глава 4	77
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Филип К. Дик

Стигматы

Палмера Элдрича

Philip K. Dick

The Three Stigmata Of Palmer Eldritch

Copyright © 1964, Philip K. Dick.

Copyright renewed © 1992, Laura Coelho,

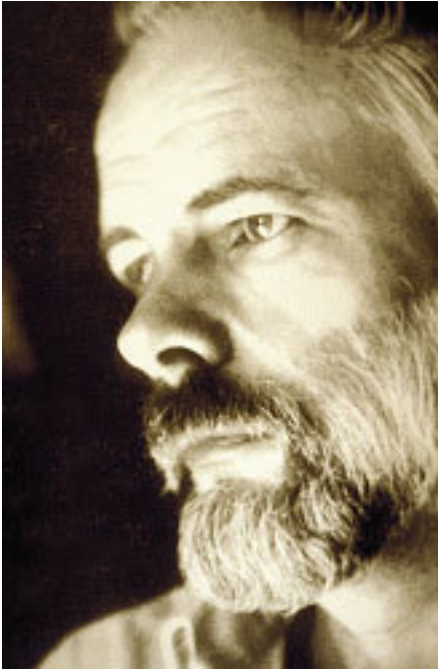
Christopher Dick and Isa Hackett.

All rights reserved

© К. Плешков, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Филип Киндред Дик (1928–1982) написал 121 рассказ и 45 романов, переведенных более чем на 25 языков. Он признан одним из самых ярких визионеров современности. По многим произведениям сняты кинофильмы и сериалы, такие как «Бегущий по лезвию», «Вспомнить все», «Особое мнение», «Человек в Высоком Замке», «Электрические сны Фи-

липпа К. Дика» и другие.

«Психоделическая одиссея».

Boston Globe

Глава 1

Проснувшись с необычайно сильной головной болью, Барни Майерсон обнаружил, что находится в незнакомой спальне в незнакомом доме. Рядом, натянув одеяло на обнаженные плечи, легко дыша, спала незнакомая девушка с белыми, как хлопок, волосами.

«На работу я наверняка опоздаю», – подумал Барни.

Он выбрался из постели и, пошатываясь, встал, не открывая глаз и с трудом сдерживая тошноту. Он был уверен, что до работы ему ехать по крайней мере несколько часов, а может быть, он вообще находился не в Соединенных Штатах, однако наверняка на Земле. Сила тяжести, из-за которой он с трудом держался на ногах, была привычной и нормальной.

А в соседней комнате возле диванчика стоял знакомый чемоданчик его психиатра, доктора Смайла.

Барни прошлепал босиком в гостиную и, сев рядом с чемоданчиком, открыл его, щелкнул переключателями и включил доктора Смайла. Датчики ожили, и послышалось тихое жужжание.

– Где я? – спросил Барни. – И как далеко отсюда до Нью-Йорка?

Это было важнее всего. Он взглянул на часы, висевшие на стене кухни: 7.30. Не так уж и поздно.

Устройство, которое было переносным терминалом док-

тора Смайла, связанным по радио с компьютером в подвале дома Барни – Нью-Йорк, Реноун, 33, – металлическим голо-сом произнесло:

– А, это вы, мистер Байерсон.

– Майерсон, – поправил Барни, дрожащими пальцами приглаживая волосы. – Что ты помнишь о прошлой ночи?

С чувством глубокого отвращения он заметил стоявшие на буфете в кухне полупустые бутылки с бурбоном и содовой, лимоны, тоник и формочки для льда.

– Кто эта девушка?

– Эта девушка в постели – мисс Рондинелла Фьюгейт, – сообщил доктор Смайл. – Она просила, чтобы вы называли ее Рони.

Эти слова вызвали у него смутные воспоминания, каким-то непонятным образом связанные с его работой.

– Послушай, – сказал он чемоданчику, но тут девушка в спальне зашевелилась. Барни быстро закрыл доктора Смайла и поднялся, чувствуя себя смешно и неловко в одних трусах.

– Ты уже встал? – сонно спросила девушка. Она выбралась из-под одеяла и села, глядя на него. – Который час, и поставил ли ты воду для кофе?

«Довольно красивая, – отметил про себя Барни, – глаза большие, привлекательные».

Он прошагал на кухню и включил плиту. Хлопнула дверь – девушка пошла в ванную. Послышался шум воды. Рони принимала душ.

Вернувшись в гостиную, он снова включил доктора Смайла.

– Какое она имеет отношение к «Наборам П. П.»? – спросил он.

– Мисс Фьюгейт – ваша новая помощница. Она приехала вчера из Народного Китая, где работала для «Наборов П. П.» в качестве консультанта-прогностика по этому региону. Однако мисс Фьюгейт хотя и талантлива, но очень неопытна, и мистер Булеро решил, что небольшая практика в качестве вашей ассистентки... Я бы сказал, в качестве вашей подопечной, но это могло бы быть неправильно понято, учитывая...

– Великолепно, – сказал Барни.

Он прошел в спальню, нашел свою одежду, которую наверняка сам же бросил на пол, и начал медленно одеваться. Он все еще ужасно себя чувствовал и с трудом сдерживал тошноту.

– Все правильно, – сказал он доктору Смайлу, возвращаясь в гостиную и застегивая рубашку. – Я помню, мне в пятницу говорили о мисс Фьюгейт. Несмотря на свой талант, она допускает серьезные ошибки – например, с тем экспонатом с выставки о Гражданской войне в США... Представь себе, она думала, что он будет иметь оглушительный успех в Народном Китае. – Он рассмеялся.

Дверь в ванную чуть приоткрылась. Сквозь щель он увидел розовую, чистую Рони, вытирающуюся полотенцем.

– Ты меня звал, дорогой?

– Нет, – ответил Барни. – Я разговаривал со своим доктором.

– У каждого бывают ошибки, – немного неуверенно сказал доктор Смайл.

– Как это получилось, что мы с ней... – сказал Барни, делая жест рукой в сторону спальни. – Вот так, сразу?

– Химия, – сказал доктор Смайл.

– Давай яснее.

– Ну, вы оба ясновидцы. Вы предвидели, что в конце концов это произойдет, что вы почувствуете друг к другу сексуальное влечение. И вы решили – после нескольких рюмок, – что ждать не имеет смысла. Жизнь коротка, искусство...

Чемоданчик замолчал, так как Рони Фьюгейт появилась из ванной и, обнаженная, прошла мимо Барни, направляясь в спальню. Барни отметил, что у нее стройное тело и фигура в самом деле прекрасная, а ее маленькие острые груди заканчиваются сосками размером не больше чем пара розовых горошинок.

«Скорее, пара розовых жемчужин», – мысленно поправил он себя.

– Я хотела тебя ночью спросить, – сказала Рони Фьюгейт, – почему ты консультируешься с психиатром? Ты постоянно носишь этот чемоданчик с собой. Ты поставил его на пол, только когда... И он был у тебя включен вплоть до...

Она подняла брови и испытующе посмотрела на него.

– Однако тогда я его выключил, – подчеркнул Барни.

– Как ты считаешь, я красивая?

Стоя на цыпочках, она выпрямилась, вытянула руки над головой и, к его удивлению, начала делать серию упражнений, подпрыгивая на месте и покачивая грудью.

– Ну конечно, – ошеломленно пробормотал он.

– Я бы весила тонну, – выдохнула Рони Фьюгейт, – если бы не делала каждое утро эту гимнастику, разработанную отделом вооружений ООН. Иди и налей кофе в чашки, хорошо, дорогой?

– Ты в самом деле моя новая ассистентка в «Наборах П. П.»? – спросил Барни.

– Да, конечно. Ты что, не помнишь? Ну да, я думаю, ты такой же, как большинство выдающихся ясновидцев. Ты так хорошо видишь будущее, что с трудом вспоминаешь прошлое. А, собственно, что ты помнишь о прошлой ночи?

Она сделала паузу в своих упражнениях, тяжело дыша.

– О, – сказал Барни, – наверное, все.

– Послушай. Ты таскаешь с собой психиатра только из-за того, что ты получил повестку. Правильно?

Поколебавшись, он кивнул. Это он помнил. Знакомый голубовато-зеленый продолговатый конверт пришел неделю назад. В следующую среду в военном госпитале ООН в Бронксе будут проверять, здоров ли он психически.

– Помогло? Он... – она показала на чемоданчик, – сделал тебя достаточно больным?

Повернувшись к портативному доктору Смайлу, Барни

спросил:

– Сделал?

Чемоданчик ответил:

– К сожалению, вы все еще вполне пригодны, мистер Майерсон. Вы можете выдержать стресс в десять фрейдов. Мне очень жаль. Однако у нас в запасе еще есть несколько дней. Мы только начали.

Войдя в спальню, Рони Фьюгейт взяла белье и начала одеваться.

– Подумать только, – вздохнула она. – Если вас призовут, мистер Майерсон, и отправят в колонию... может оказаться, что я займу ваше место.

Она улыбнулась, приоткрыв великолепные, ровные зубы.

Это была мрачная перспектива. И способность к ясному видению немногим ему помогла. Причина и следствие находились в идеальном равновесии, и сказать что-либо об окончательном результате было невозможно.

– Ты не справишься, – сказал он. – Ты не смогла справиться даже в Китае, а это было относительно несложно с точки зрения анализа распределения вероятностей.

Однако когда-нибудь ей это удастся – Барни мог без труда это предвидеть. Она была молода и одарена выдающимся талантом. Единственное, что ей требовалось, чтобы с ним сравниться, – а он был лучшим в своей профессии, – это несколько лет практики. По мере того как он осознавал ситуацию, в которой оказался, он все яснее отдавал себе в этом

отчет. Было весьма вероятно, что его призовут, а если даже и нет, то Рони Фьюгейт может отобрать хорошее, удобное место, до которого он добирался ступенька за ступенькой долгие тринадцать лет.

Довольно специфическое решение проблемы: отправиться с ней в постель. Интересно, как он до этого додумался?

Наклонившись, он тихо сказал доктору Смайлу:

– Я хочу, чтобы ты объяснил мне, с чего, черт возьми, я решил...

– Я могу ответить! – крикнула из спальни Рони Фьюгейт. Она только что надела довольно обтягивающий бледно-зеленый свитер и поправляла его перед зеркалом туалетного столика. – Ты сказал мне это ночью, после пятого бурбона с содовой. Ты сказал... – Она не договорила, в глазах ее заблестели веселые искорки. – Это было не слишком изящно. Ты сказал: «Если нельзя их победить, надо их полюбить». Только вот мне жаль это говорить, но ты употребил несколько другой глагол.

– Гм, – пробормотал Барни и пошел на кухню налить себе кофе.

Во всяком случае, он находился недалеко от Нью-Йорка; раз мисс Фьюгейт работала в «Наборах П. П.», она не могла жить далеко от фирмы. Значит, они могут поехать вместе. Прекрасно. Интересно, похвалил бы их шеф, Лео Булери, если бы об этом знал? Занимает ли фирма какую-то официальную позицию в отношении сотрудников, которые

спят друг с другом? Почти по любому другому вопросу у нее имелась своя точка зрения... Хотя он не мог понять, как человек, проводящий всю жизнь на пляжах курортов Антарктики или в немецких клиниках э-терапии, в состоянии был разработать правила, охватывающие все сферы.

«Когда-нибудь, – сказал он себе, – я буду жить как Лео Булеро, вместо того чтобы торчать в Нью-Йорке на восьмидесятиградусной жаре...»

Внезапно он ощутил легкую дрожь под ногами, пол затрясся. Это включилась система охлаждения. Начался новый день.

За окнами кухни из-за домов выглянуло горячее, недружелюбное солнце. Барни зажмурил глаза. День снова обещал быть очень жарким. Запросто дойдет до двадцати по Вагнеру. Чтобы это предвидеть, не надо быть ясновидцем.

В доме с высоким до убожества номером 492 на окраине города Мэрилин-Монро, штат Нью-Джерси, Ричард Хнатт с равнодушным видом завтракал, одновременно с еще более равнодушным видом просматривая утреннюю газету с информацией службы погоды за вчерашний день.

Основной ледник, Олд-Скинтоп, за последние двадцать четыре часа отступил на 4,62 грабля. А температура в Нью-Йорке в полдень была на 1,46 вагнера выше, чем два дня назад. Кроме того, влажность воздуха, вызванная испарением океана, возросла на 16 селкирков. Таким образом, стало еще более жарко и сыро; естественный процесс неумолимо шел

к своему концу – вот только к какому? Хнатт отложил газету и взял почту, доставленную до рассвета... прошло немало времени с той поры, как почтальоны перестали ходить днем.

Первый счет, попавшийся ему на глаза, был обычным вымогательством за охлаждение квартиры; Хнатт задолжал администрации дома номер 492 ровно десять с половиной скинов за прошлый месяц, что означало надбавку в три четверти скина по отношению к плате за апрель.

«Когда-нибудь, – подумал он, – станет так жарко, что дом просто расплавится, и ничто его не спасет».

Он помнил тот день, когда его коллекция записей превратилась в бесформенную массу. Это было, кажется, в 2004 году – из-за временной аварии системы охлаждения дома. Теперь у него были железоксидные ленты, которые не плавилась. Тогда же одновременно погибли все попугайчики и венерианские канарейки, которые жили в доме, а черепаха соседа сварилась в собственном панцире. Конечно, это случилось днем, и все – по крайней мере все мужчины – были на работе. Их жены сидели скорчившись на самом нижнем подземном этаже и думали (он помнил, как ему рассказывала об этом Эмили) о том, что в конце концов настал этот ужасный миг. Не через сто лет, но именно сейчас. Они думали, что прогнозы Калифорнийского технологического института не оправдались, но это, конечно, было не так: просто оказался поврежден энергетический кабель нью-йоркской коммунальной службы. Роботы быстро приехали и починили его.

В гостиной сидела его жена в голубом халатике, терпеливо покрывая глазурью какой-то предмет из необожженной керамики. Глаза ее блестели... она ловко орудовала кисточкой, высунув кончик языка, и Хнатт был уверен, что вещь получится хорошая. Вид работающей Эмили напомнил ему о стоявшей перед ним сегодня задаче, которая была не из приятных.

– Может, стоило бы еще немного подождать, прежде чем с ним связываться? – проворчал он.

Не глядя на него, Эмили сказала:

– Мы никогда не сможем представить ему лучшей коллекции, чем сейчас.

– А что, если он скажет «нет»?

– Будем пытаться дальше. А чего ты ожидал – что мы откажемся лишь из-за того, что мой бывший муж не может или не хочет предсказать, каким успехом эти новые изделия будут пользоваться на рынке?

– Ты его знаешь, а я нет, – ответил Ричард Хнатт. – Надо полагать, он не собирается мстить? Вряд ли он чем-то недоволен.

А, собственно, чем мог быть недоволен бывший супруг Эмили? Никто его не обидел. Если уж на то пошло, то скорее было наоборот, по крайней мере так следовало из слов Эмили.

Это было странно – постоянно слышать о Барни Майерсоне, но не быть с ним знакомым и никогда с ним не встречать-

ся. Теперь этому придет конец, поскольку сегодня в девять у него назначена встреча с Майерсоном в «Наборах П. П.». Конечно, все будет зависеть от Майерсона. Он может бросить один лишь взгляд на набор керамики и вежливо поблагодарить. Нет, он может сказать: «Наборы П. П.» это не интересно. Прошу верить моим способностям к предвидению, моему таланту прогнозирования моды и моему опыту...» И Ричард Хнатт уйдет с коллекцией вазочек под мышкой, не зная, куда податься.

Выглянув в окно, он с неудовольствием увидел, что уже стало слишком жарко, чтобы человек мог это вынести. Движущиеся тротуары внезапно опустели – все искали убежища под крышей. Было восемь тридцать, и пора было идти. Он встал и направился в прихожую, чтобы достать из шкафа шлем и обязательный охлаждающий аппарат. Закон требовал, чтобы каждый надевал его, отправляясь на работу, и носил на спине до самого заката.

– До свидания, – кивнул он жене, остановившись в дверях.

– До свидания, и желаю успеха.

Она продолжала столь же тщательно работать, покрывая керамику глазурью, и Ричард понял, в каком напряженном состоянии она сейчас находится; она не могла позволить себе ни минуты перерыва. Он открыл дверь и вышел в холл, чувствуя свежий ветерок от охлаждающего аппарата, пыхтящего у него за спиной.

– Да, – крикнула Эмили, когда он закрывал дверь; она под-

няла голову и откинула с глаз длинные темные волосы, – позвони мне сразу же, как выйдешь от Барни, как только узнаешь результат!

– Ладно, – ответил он и закрыл за собой дверь.

Внизу, в банке, он открыл сейф и, достав свой ящичек, вынул из него коробку с образцами керамики, которые он собирался показать Майерсону.

Вскоре он был уже внутри термоизолированного вагона, по пути к центру Нью-Йорка и фирме «Наборы П. П.» – большому зданию из грязно-белого синтетического цемента, где родились Подружка Пэт и весь ее миниатюрный мир.

«Кукла, – размышлял Хнатт, – которая подчинила себе человека, покоряющего планеты Солнечной системы. Подружка Пэт, навязчивая идея колонистов».

Что еще можно было сказать о жизни в колониях, об этих несчастных, которых в соответствии с законом ООН о выборочном призыве на службу вышвырнули с Земли и вынудили начать новую, чуждую жизнь на Марсе, Венере, Ганимеди или где-то еще, куда бюрократам из ООН пришлось в голову их отправить... Некоторым, может быть, даже удавалось выжить.

«А мы думаем, что у нас тут плохо», – сказал он сам себе.

Человек в соседнем кресле, мужчина средних лет в сером шлеме, безрукавке и ярко-красных шортах, популярных среди бизнесменов, заметил:

– Опять будет жарко.

– Да.

– Что у вас в этой коробке? Жратва на пикник для стада марсианских колонистов?

– Керамика, – ответил Хнатт.

– Могу поспорить, что вы ее обжигаете, просто выстав-
ляя в полдень за дверь, – захихикал бизнесмен, потом достал
утреннюю газету и стал ее просматривать. – Сообщают, что
на Плуtone разбился корабль, летевший из-за границ Сол-
нечной системы, – сказал он. – Туда отправлена поисковая
группа. Как вы думаете, это проксы? Терпеть не могу этих
тварей из других систем.

– Более вероятно, что это один из наших собственных ко-
раблей, – сказал Хнатт.

– Вы видели когда-нибудь этих, с Проксимы?

– Только снимки.

– Жуть, – заметил бизнесмен. – Если найдут этот разби-
тый корабль на Плуtone и окажется, что это проксы, то, я
надеюсь, их сожгут лазером дотла. В конце концов, закон за-
прещает им прилетать в нашу систему.

– Верно.

– Можно посмотреть вашу керамику? Я занимаюсь гал-
стуками. Живые галстуки Вернера, как будто ручной рабо-
ты, всех цветов Титана... Вот, один из них на мне, видите?
На самом деле это примитивная форма жизни, которую мы
привозим и разводим здесь, на Земле. Как мы заставляем их
размножаться – это секрет нашей фирмы. Знаете, как состав

кока-колы.

Хнатт сказал:

– По той же самой причине я не могу показать вам эту керамику, как бы мне этого ни хотелось. Это новые образцы. Я везу их к прогностику-ясновидцу в «Наборы П. П.». Если он захочет их миниатюризировать для наборов «Подружка Пэт», то все в порядке. Достаточно будет переслать информацию рекламному агенту П. П. – как там его зовут?.. – на орбите Марса. И так далее.

– Галстуки Вернера – часть наборов «Подружка Пэт», – сказал бизнесмен. – У ее парня, Уолта, их целый шкаф. – Он просто сиял. – Когда фирма «Наборы П. П.» решила миниатюрировать наши галстуки...

– Вы вели переговоры с Барни Майерсоном?

– Я с ним не разговаривал, этим занимался наш местный торговый агент. Говорят, что Майерсон тяжелый человек. Он может действовать под влиянием импульса, но если примет решение, то никогда его не меняет.

– У него бывают ошибки? Бывает так, что он отказывается от того, что впоследствии входит в моду?

– Наверняка. Может, он и ясновидец, но он всего лишь человек. Я вам скажу кое-что – может быть, это вам поможет. Он очень подозрителен в отношении женщин. Его брак распался несколько лет назад, и он никогда не мог с этим примириться. Видите ли, его жена была беременна два раза, и правление его дома, кажется номер тридцать три, про-

голосовало на собрании за выселение его и жены в связи с нарушением установленных администрацией правил. Ну, вы же знаете номер тридцать три; знаете, как трудно попасть в дом со столь низким номером. Так что, вместо того чтобы сдать свою квартиру, он предпочел развестись с женой, и она уехала, забрав с собой ребенка. Позже он, видимо, решил, что сделал ошибку, и пожалел об этом. Естественно, в этой ошибке он винил себя. Впрочем, это вполне понятно: господа, чего бы мы не отдали, только бы жить в доме тридцать три или даже тридцать четыре! Он больше не женился; может быть, он неохристианин. Во всяком случае, когда пойдете продавать ему свою керамику, будьте крайне осторожны во всем, что касается женщин. Не говорите: «Это понравится женщинам» – или что-то в этом роде. Большинство розничных сделок...

– Спасибо за совет, – сказал Хнатт, вставая. Взяв коробку с керамикой, он направился к выходу.

Он вздохнул. Это могло быть непросто, может быть, даже безнадежно; он не в состоянии был противостоять обстоятельствам, которые имели место задолго до его знакомства с Эмили и ее вазочками. Ничего не поделаешь.

К счастью, ему удалось поймать такси; пока оно везло его через забитый машинами центр, он прочитал утреннюю газету, а в особенности сообщение о корабле, который, как полагали, вернулся с Проксимы лишь затем, чтобы разбиться в морозной пустыне Плутона. Ну и ну! Уже высказывались

предположения, что это может быть хорошо известный межпланетный промышленник Палмер Эдрич, который десять лет тому назад отправился в систему Проксимы по приглашению гуманоидного Совета Проксимы, – они хотели, чтобы он модернизировал их автофабрики по земному образцу. С тех пор об Эдриче никто не слышал – до сегодняшнего дня.

Подумав, он решил, что, вероятно, для Земли было бы лучше, если бы Эдрич не вернулся. Палмер Эдрич был неистовым, выдающимся одиночкой. Он совершал чудеса в области автоматизации производства на колонизированных макетах, но, как обычно, зашел слишком далеко, слишком многое запланировал. Товары лежали кучами в самых невероятных местах, где не было колонистов, которые могли бы ими воспользоваться. Они превращались в горы мусора, по мере того как погода неумолимо их разрушала, кусочек за кусочком. Особенно снежные бури, если поверить, что такое где-то бывает... что есть еще места, где по-настоящему холодно. Можно сказать, даже слишком холодно.

– Мы на месте, ваша милость, – сообщил автомат, останавливая машину перед большим зданием, основная часть которого скрывалась под землей.

Фирма «Наборы П. П.».

Сотрудники входили в здание через ряд термоизолированных туннелей.

Он заплатил за такси, выскочил из него и пробежал через открытое пространство к туннелю, держа коробку обеими

руками. Лучи солнца на мгновение коснулись его, и Хнатт почувствовал – или представил себе, что чувствует, – как потрескивает его кожа.

«Изжаришься, как гусь», – подумал он, невредимым добравшись до туннеля.

Вскоре он был под землей. Секретарша провела его в кабинет Майерсона. Прохладные и полутемные комнаты приглашали отдохнуть, но он лишь крепче сжал коробку с образцами, напрягся и, хотя и не был неохристианином, мысленно произнес молитву.

– Мистер Майерсон, – обратилась к сидевшему за столом мужчине секретарша, которая была выше Хнатта ростом и выглядела весьма впечатляюще в декольтированном платье и туфлях на высоких каблуках. – Это мистер Хнатт. Мистер Хнатт, это мистер Майерсон.

Позади Майерсона стояла девушка в бледно-зеленом свитере. Волосы ее были совершенно белыми. Они были чересчур белыми, а свитер чересчур тесным.

– Это мисс Фьюгейт, мистер Хнатт. Ассистентка мистера Майерсона. Мисс Фьюгейт, это мистер Ричард Хнатт.

Сидевший за столом Барни Майерсон продолжал изучать какой-то документ, делая вид, что не замечает присутствия клиента, и Ричард Хнатт молча ждал, испытывая самые разные чувства. Он ощущал, как в нем нарастает ярость, подбираясь к горлу и сжимая грудь. Однако вместе с тем он чувствовал и страх, а кроме того, превосходящее этот страх рас-

тущее любопытство. Значит, это и есть прежний муж Эмили, который – если верить торговцу живыми галстуками – все еще глубоко сожалел, что решил расторгнуть брак. Майерсон оказался довольно коренастым мужчиной чуть моложе сорока, с необычно длинными и волнистыми волосами, которые в данный момент были не в моде. Он сидел со скучающим видом, но враждебности в нем не чувствовалось. Однако, может быть, он еще не...

– Посмотрим ваши вазочки, – вдруг сказал Майерсон.

Поставив коробку на стол, Ричард Хнатт открыл ее, один за другим достал образцы и отступил на шаг назад.

После некоторой паузы Барни Майерсон сказал:

– Нет.

– Нет? – переспросил Хнатт. – Что – нет?

– Не пойдет, – заявил Майерсон, взял документ и продолжил прерванное чтение.

– Вы хотите сказать, что вы так просто решили?.. – сказал Хнатт, еще не веря, что все кончено.

– Именно так, – подтвердил Майерсон.

Керамика его больше не интересовала, как будто Хнатта и его вазочек здесь уже не было.

– Извините, мистер Майерсон, – вдруг сказала мисс Фьюгейт.

– В чем дело? – взглянув на нее, спросил Барни Майерсон.

– Еще раз прошу прощения, мистер Майерсон, – ответила мисс Фьюгейт. Она взяла одну из вазочек и взвесила ее

в руках, поглаживая глазурованную поверхность. – У меня, однако, создалось совсем другое впечатление. Я чувствую, что эта керамика пойдет.

Хнатт посмотрел сначала на нее, потом на него.

– Дайте-ка. – Майерсон показал на темно-серый вазон, и Хнатт немедленно подал ему образец. Майерсон подержал его в руках и, нахмурившись, сказал: – Нет. Мне все же не кажется, что этот товар будет иметь успех. По-моему, вы ошибаетесь, мисс Фьюгейт. – Он поставил вазу на место. – Но, поскольку у нас с мисс Фьюгейт расхождения во взглядах, – сказал он, задумчиво почесывая затылок, – оставьте мне эти образцы на несколько дней. Я уделю им еще немного внимания.

Было, однако, очевидно, что подобных намерений у него нет.

Мисс Фьюгейт протянула руку и, взяв маленькую вазочку странной формы, почти с нежностью прижала ее к груди.

– Особенно это. Я ощущаю очень мощное излучение. Это будет иметь самый большой успех.

– Ты с ума сошла, Рони, – тихо сказал Барни Майерсон. Теперь он, кажется, действительно разозлился, даже покраснел. – Я вам сообщу, – обратился он к Хнатту, – когда приму окончательное решение. Однако я не вижу причин менять свое мнение, так что на многое не рассчитывайте. Собственно говоря, можете их даже здесь не оставлять.

Он бросил суровый взгляд на свою ассистентку.

Глава 2

В десять часов того же утра в кабинете Лео Булери, председателя правления фирмы «Наборы П. П.», раздался звонок видеофона. Звонили из Трехпланетной службы охраны порядка, частного полицейского агентства. Несколько минут спустя он узнал о катастрофе корабля, возвращавшегося с Проксимы.

Несмотря на чрезвычайную важность этих новостей, он слушал невнимательно, так как мысли его были заняты совсем другим.

Все это было мелочью по сравнению с тем, что военный корабль отдела контроля наркотиков ООН перехватил весь груз кэн-ди в окрестностях северного полюса Марса, несмотря на то что фирма «Наборы П. П.» ежегодно платила ООН огромную дань за неприкосновенность; груз стоимостью около миллиона скинов был перехвачен по пути с тщательно охраняемых плантаций на Венере. Видимо, взятки не дошли до соответствующих людей на соответствующих уровнях сложной иерархии ООН.

Однако сделать в такой ситуации ничего было нельзя. ООН представляла собой монолит, над которым никто не имел никакой власти.

Он без труда понял намерения отдела наркотиков. Они хотят, чтобы «Наборы П. П.» начали судебную тяжбу, требуя

возвращения груза. Таким образом выяснилось бы, что незаконный наркотик кэн-ди, употребляемый многими колонистами, выращивается, перерабатывается и распространяется при содействии фирмы «Наборы П. П.». Так что, несмотря на высокую цену груза, лучше было им пожертвовать, чем подвергать себя риску.

– Газеты были правы, – говорил с экрана Феликс Блау, шеф полицейского агентства. – Это Палмер Элдрич, и, похоже, он жив, хотя и тяжело ранен. Мы выяснили, что линейный корабль ООН перевезет его в госпиталь на одной из баз, местонахождение которой, естественно, не сообщается.

– Гм, – пробормотал Булеро, кивнув.

– Однако, что касается того, что Элдрич обнаружил в системе Проксимы...

– Этого вы никогда не узнаете, – сказал Лео. – Элдрич ни слова не скажет, и на этом все закончится.

– Мы выяснили, – продолжал Блау, – один интересный факт. На борту корабля Элдрича была – и есть до сих пор – заботливо сохраняемая культура лишайника, очень похожего на тот с Титана, из которого получают кэн-ди. Я думал, что в связи с... – Блау тактично замолчал.

– Есть какая-нибудь возможность уничтожить эту культуру лишайника? – машинально спросил Лео.

– К сожалению, люди Элдрича уже добрались до остатков корабля. Не сомневаюсь, что они будут сопротивляться всяческим попыткам подобного рода.

Блау, казалось, был полон сочувствия.

– Можно, конечно, попытаться... Силой эту проблему не решить, но, может быть, удастся их подкупить.

– Попробуйте, – сказал Лео, хотя был согласен, что это, без всякого сомнения, лишь бесполезная трата времени и сил. – Разве на них не распространяется распоряжение ООН, касающееся запрета на ввоз инопланетных форм жизни?

Было бы весьма неплохо, если бы удалось убедить силы ООН в том, что остатки корабля Элдрича необходимо уничтожить. Он записал для памяти в блокноте: позвонить юристам, составить запрос в ООН по поводу ввоза лишайников.

– Поговорим позже, – бросил он Блау и отключился.

«Может быть, направлю запрос сам», – подумал он.

Нажав на кнопку интеркома, Лео сказал секретарше:

– Соедини меня с ООН в Нью-Йорке, с кем-нибудь из руководства. Лучше всего с самим секретарем Хепберн-Гилбертом.

Наконец его соединили с искусным индийским политиком, который в прошлом году стал Генеральным секретарем ООН.

– А, мистер Булеро, – хитро улыбнулся Хепберн-Гилберт. – Вы хотите направить запрос по поводу ареста груза кэн-ди, который...

– Я ничего не знаю ни о каком грузе кэн-ди, – ответил Лео. – Я совсем по другому делу. Вы отдаете себе отчет в том, что вытворяет Палмер Элдрич? Он привез в нашу си-

стему лишайники с Проксимы. Из-за этого может начаться эпидемия типа той, что была у нас в девяносто восьмом.

– Мы отдаем себе в этом отчет. Однако люди Элдрича утверждают, что это лишайник из Солнечной системы, который мистер Элдрич взял с собой на Проксиму и теперь везет обратно... Как они говорят, это его источник протеина. – Индиец блеснул белозубой улыбкой: подобное объяснение его явно забавляло.

– И вы этому поверили?

– Нет, конечно. – Улыбка Хепберн-Гилберта стала еще шире. – А почему, собственно, вы этим интересуетесь, мистер Булеро? Неужели вас так заботит судьба этих... лишайников?

– Я гражданин Солнечной системы и руководствуюсь заботой об интересах общества. И я требую, чтобы вы предприняли соответствующие шаги.

– Мы их предприняли, – сказал Хепберн-Гилберт. – Мы проводим расследование... Мы поручили его мистеру Ларку – вы ведь его знаете?

Разговор достиг мертвой точки, и Лео Булеро в конце концов отключился, чувствуя отвращение ко всем политикам. Они всегда были готовы к решительным действиям, но если дело касалось Палмера Элдрича...

«Ах, мистер Булеро, – передразнил он недавнего собеседника, – это, понимаете ли, совсем другое дело».

Да, Ларка он знал. Нед Ларк был шефом отдела наркоти-

ков ООН и ответственным за перехват последнего транспорта кэн-ди. Это была неплохая проделка со стороны Генерального секретаря – включить Ларка в аферу с Эдричем. Можно сказать, ООН требовала услуги за услугу: пока Лео Булеро будет пытаться вернуть груз кэн-ди, они не предпримут ничего против Эдрича. Он это чувствовал, но, естественно, доказать ничего не мог. В конце концов, Хепберн-Гилберт, этот темнокожий хитрец и недоразвитый политик, прямо этого не говорил.

«Вот так и кончаются все переговоры с ООН, – думал Лео. – Афро-азиатская политика. Болото. Везде сидят и всем руководят иностранцы».

Он с яростью взглянул на пустой экран.

Пока он раздумывал, что делать дальше, звякнул интерком, и его секретарша мисс Глисон сказала:

– Мистер Булеро, в приемной мистер Майерсон. Он хотел бы перекинуться с вами парой слов.

– Пусть войдет. – Он обрадовался, что хотя бы на минуту сможет забыть о своих проблемах.

Несколько мгновений спустя эксперт-прогностик в области моды с хмурым видом вошел в кабинет и молча сел напротив Лео.

– Что с тобой, Майерсон? – спросил Булеро. – Ну говори, я ведь для этого здесь и нахожусь. Можешь поплакать у меня на плече. – Он старался, чтобы голос его звучал холодно.

– Дело касается моей ассистентки, мисс Фьюгейт.

– Да, я слышал, что ты с ней спишь.

– Не в этом дело.

– Ах вот как! – иронически заметил Лео. – Ну, это мелочь.

– Я только хотел сказать, что пришел сюда по другой причине. У нас только что было серьезное недоразумение. Мне принесли образцы...

– Ты что-то отклонил, – перебил его Лео, – а она с этим не согласилась.

– Да.

– Ах вы, ясновидцы!

«Заслуживает внимания. Может быть, существуют альтернативные варианты будущего».

– И ты хочешь, чтобы я приказал ей в будущем во всем с тобой соглашаться?

– Она моя ассистентка, – сказал Барни Майерсон. – И поэтому она должна делать то, что я ей скажу.

– Ну а то, что она с тобой спит, – это разве не явный шаг в этом направлении? – рассмеялся Лео. – Однако в присутствии продавца она должна поддерживать твое мнение, а если у нее будут какие-то замечания, то она должна сказать тебе об этом позже, с глазу на глаз.

– Я даже на это не соглашусь. – Барни нахмурился еще больше.

– Ты знаешь, что я прошел курс э-терапии и практически сам стал ясновидцем. Это был продавец вазочек? Керамики? Барни неохотно кивнул.

– Это творения твоей бывшей жены, – сказал Лео и задумался. Ее керамика хорошо расходилась, он видел объявления в газетах. Она продавалась в одном из лучших художественных салонов в Нью-Орлеане, а также здесь, на Восточном побережье, и в Сан-Франциско. – Как они, пойдут, Барни? – Он внимательно посмотрел на своего ясновидца. – Мисс Фьюгейт была права?

– Никуда они не пойдут, и это святая правда, – бесцветным голосом сказал Барни. Слишком бесцветным, подумал Лео, чересчур лишенным чувств. – Я так вижу, – упрямо добавил Майерсон.

– Ну ладно, – кивнул Лео. – Принимаю твое объяснение. Однако, если эти вазочки станут сенсацией, а у нас не будет миниатюр для колонистов... – Он задумался. – Может оказаться, что твоя подруга по постели займет твое место! – пригрозил он.

Вставая, Барни сказал:

– Так вы проинструктируете мисс Фьюгейт, как она должна себя вести и какую позицию занимать?

Лео расхохотался. Барни покраснел и пробормотал:

– Может, я неудачно выразился...

– Ладно, Барни, я погрожу ей пальцем. Она молодая, переживет. А ты стареешь. Ты должен заботиться о собственном достоинстве и не можешь позволить, чтобы кто-то тебе противоречил.

Лео тоже встал, подошел к Барни и похлопал его по спине.

– Послушай, что я тебе скажу. Перестань себя изводить. Забудь о своей бывшей жене. Ладно?

– Уже забыл.

– Есть ведь и другие женщины, – сказал Лео, думая о Скотти Синклер, своей нынешней любовнице. Скотти, хрупкая блондинка с большим бюстом, сейчас ждала, пока Лео не устроит себе недельный отпуск – на вилле, которая находилась на спутнике в пятистах милях от Земли. – Их бесконечно много, в отличие от первых почтовых марок США или шкурок трюфелей, которые мы используем в качестве валюты.

Внезапно ему пришло в голову, что можно было бы уступить Барни одну из своих брошенных, но все еще вполне пригодных любовниц.

– Вот что я тебе скажу... – начал он, но Барни тут же резким жестом остановил его. – Нет? – удивился Лео.

– Нет. У меня сейчас есть Рони Фьюгейт. Одной для нормального человека хватит. – Барни сурово взглянул на шефа.

– Согласен. Я тоже за один раз могу встречаться только с одной. Неужели ты думал, что у меня гарем в «Домике Винни-Пуха»?

– Когда я был там в последний раз, – сказал Барни, – то есть на вашем дне рождения в январе...

– Ну да. Это совсем другое дело. То, что происходит во время приемов, не стоит принимать во внимание.

Он проводил Майерсона до дверей кабинета.

– Знаешь что, Майерсон, я слышал о тебе сплетню, которая мне не понравилась. Кто-то видел, как ты тащил один из этих переносных терминалов психиатрического компьютера... ты получил повестку?

Наступила тишина. Наконец Барни кивнул.

– И ты не собирался ничего нам об этом говорить, – заметил Лео. – И когда же мы должны были об этом узнать? В тот день, когда ты окажешься на борту корабля, летящего на Марс?

– Как-нибудь выкручусь.

– Ну конечно, так же, как и все. Именно таким образом ООН удалось заселить четыре планеты, шесть спутников...

– Я не пройду психологических тестов, – заявил Барни. – Мои способности к ясновидению ясно мне об этом говорят. Я не могу перенести столько фрейдов стресса, чтобы их удовлетворить. Вот посмотрите... – Он вытянул руки. Они ощутимо дрожали. – Вспомните мою реакцию на безвредное замечание мисс Фьюгейт. Вспомните, как я себя вел, когда Хнатт принес вазочки Эмили. Вспомните...

– Ладно, – прервал его Лео, но он все еще был обеспокоен.

Обычно повестки вручали за девяносто дней до срока, а мисс Фьюгейт наверняка еще не сможет занять место Барни. Конечно, можно перевести из Парижа Мака Ронстона, но даже Ронстон со своим пятнадцатилетним опытом не заменит Барни Майерсона. Талант не приходит со временем, талант дан человеку от рождения.

«Кажется, ООН в самом деле до меня добирается», – подумал Лео.

Его интересовало, является ли повестка Барни, пришедшая именно в этот момент, обычным стечением обстоятельств, или же это очередная попытка прощупать его слабые места. Если так, то им это удалось. И он не мог оказать никакого влияния на ООН, чтобы освободить Барни от призыва.

«А все только из-за того, что я снабжаю колонистов кэнди», – подумал он.

Ведь кто-то же должен это делать, это им необходимо. Иначе зачем им наборы Подружки Пэт? А кроме того, это было одно из самых доходных дел в Солнечной системе. Речь шла о многих миллионах скинов.

ООН об этом тоже знала.

В двенадцать тридцать по нью-йоркскому времени Лео Булеро обедал в компании новой девушки, только что поступившей на работу. Сидя напротив него в уютном зальчике ресторана «Пурпурная лиса», Пия Юргенс с хирургической точностью орудовала вилкой и ножом, откусывая небольшие кусочки крепкими ровными зубами. Она была рыжеволосая, а он любил рыжих: они обычно оказывались либо до отвращения уродливыми, либо почти нечеловечески прекрасными. Мисс Юргенс принадлежала к последним. Теперь, если только найдется какой-нибудь повод, чтобы пригласить ее в

«Домик Винни-Пуха»... если, конечно, Скотти не будет возражать. А это было как раз не слишком вероятно. Скотти была очень своевольна, что для женщин является весьма опасной чертой.

«Жаль, что не удалось подсунуть Скотти Барни Майерсону», – подумал Лео.

Это решило бы сразу две проблемы: сняло бы психологический стресс у Барни, а его самого освободило бы от...

«Чушь! – подумал он. – Барни ведь и должен быть психически неустойчив, иначе он давно бы уже был на Марсе. Для этого он и взял напрокат этот говорящий чемоданчик. Похоже, я совершенно не понимаю современный мир. Живу в прошлом, в двадцатом веке, когда задача психоаналитиков заключалась в том, чтобы снимать у людей стресс».

– Вы всегда молчите, мистер Булеро? – спросила мисс Юргенс.

– Нет.

«Интересно, удалось бы мне как-то помочь Барни? – размышлял он. – Помочь ему... как это говорится, стать менее устойчивым?»

Однако это было не так просто, как казалось. Он ощущал это подсознательно благодаря увеличенным лобным долям. Нельзя же здоровых людей делать больными по приказу.

А может быть, все-таки...

Он извинился, подозвал робота-официанта и велел принести видеотелефон.

Через пару минут он соединился с мисс Глисон, своей секретаршей.

– Слушай, как только я вернусь, я хотел бы встретиться с мисс Рондинеллой Фьюгейт, сотрудницей Майерсона. А сам Майерсон не должен об этом знать. Поняла?

– Да, сэр, – ответила, записывая, мисс Глисон.

– Я все слышала, – заявила Пия Юргенс, когда он закончил разговор. – Знаете, я могла бы рассказать об этом мистери Майерсону. Я его вижу почти каждый день в...

Лео рассмеялся. Его позабавила мысль о том, что Пия Юргенс может отказаться от прекрасного будущего, которое перед ней открывается.

– Послушай, – сказал он, похлопав ее по руке. – Не бойся, это не имеет ничего общего с интимными делами. Доедай свой крокет из ганимедской лягушки, и поедем обратно.

– Я хотела только сказать, – холодно произнесла мисс Юргенс, – что мне показалась несколько странной подобная откровенность в присутствии кого-то, кого вы практически не знаете. – Она взглянула на него, и ее пышный соблазнительный бюст выдвинулся вперед еще дальше, как будто от обиды.

– Значит, мне нужно познакомиться с тобой поближе, – сказал Лео, с аппетитом глядя на нее. – Ты жевала когда-нибудь кэн-ди? – задал он риторический вопрос. – Ты должна обязательно попробовать, хотя он и вызывает привыкание. Переживания необыкновенные.

Конечно, у него в «Домике Винни-Пуха» был запас наркотика самого лучшего качества. Он часто оказывался весьма кстати, когда приходили гости; иначе то, чем они занимались, могло показаться скучным.

– Я спрашиваю потому, что, как мне кажется, у тебя живое воображение, а реакция на кэн-ди зависит прежде всего от твоих творческих способностей.

– Я бы с удовольствием попробовала, – сказала мисс Юргенс. Она огляделась вокруг, понизила голос и наклонилась к нему: – Только ведь это незаконно.

– В самом деле? – Он вытаращил глаза.

– Вы же сами хорошо знаете. – В голосе девушки чувствовалось раздражение.

– Послушай, – сказал Лео, – я могу достать для тебя немного.

Он, конечно, будет жевать вместе с ней; таким образом мысли принимающих наркотик соединяются, образуя новый, единый разум... Такое, по крайней мере, было впечатление. Несколько совместных приемов кэн-ди, и он будет знать о Пие Юргенс все, что требуется. В ней было нечто – кроме, естественно, физических достоинств, – что притягивало его. Он с нетерпением ждал момента близости.

– Мы не будем пользоваться набором.

Что за ирония судьбы – он, создатель и производитель микромира Подружки Пэт, предпочитал употреблять кэн-ди просто так. Что мог дать землянину набор, представлявший

собой в миниатюре условия, имевшиеся в любом городе на Земле? Для колонистов в продуваемых ураганами пустынях Ганимеда, ютящихся в убогих бараках, защищающих их от града метановых кристаллов, наборы Подружки Пэт были чем-то совершенно иным – возвращением в мир, который они вынуждены были покинуть. Однако он, Лео Булеро, чертовски устал от этого мира, в котором родился и в котором продолжал жить. Даже «Домик Винни-Пуха» со всеми своими более или менее изошренными развлечениями не заполнял пустоты. И все же...

– Этот кэн-ди, – сказал он мисс Юргенс, – великолепная штука, и ничего удивительного, что он запрещен. Это как религия. Да, кэн-ди – религия колонистов. – Он засмеялся. – Берешь кусочек, пожуешь минут пятнадцать, и... нет убогого барака. Нет замерзшего метана. У тебя есть повод, чтобы жить. Разве это не стоит риска и цены?

«Только какова его ценность для нас?» – мысленно спросил он сам себя и ощутил легкую грусть.

Изготавливая наборы Подружки Пэт и разводя лишайник – сырье для производства кэн-ди, он делал сносной жизнь миллиона с лишним колонистов, принудительно высланных с Земли. Но что он с этого имел?

«Всю жизнь я посвятил другим, – подумал он, – а теперь начинаю трепыхаться, поскольку мне этого не хватает».

На спутнике его ждала Скотти; как обычно, предстояло решать сложные проблемы, связанные как с легальным его

бизнесом, так и с нелегальным... Но неужели в жизни не должно быть ничего больше?

Он не знал. Никто не знал, поскольку все, так же как Барни Майерсон, в разных вариантах воспроизводили одну и ту же схему. Барни со своей Рондинеллой Фьюгейт – ухудшенное подобие Лео Булеро и мисс Юргенс. Куда бы он ни посмотрел, везде было одно и то же. Наверняка даже Нед Ларк, шеф отдела наркотиков, жил подобным образом, так же как и Хелберн-Гилберт, у которого, кажется, была бледная высокая начинающая кинозвезда из Швеции, с грудями величиной с шар для игры в кегли и такими же твердыми. Даже Палмер Эдрич. Нет, вдруг понял он. Не Палмер Эдрич, тот нашел себе что-то другое. Десять лет он находился в системе Проксимы, по крайней мере летел туда и обратно. Что он там нашел? Неужели это стоило подобных усилий, стоило катастрофы на Плутоне?

– Видела газеты? – спросил он мисс Юргенс. – Читала о корабле на Плутоне? Такие, как Эдрич, попадаются один на миллиард. Другого такого, как он, нет.

– Читала, – сказала мисс Юргенс, – что он фактически чокнутый.

– Наверняка. Десять лет жизни, столько мучений – и ради чего?

– Можете быть уверены, что эти десять лет для него окупались с лихвой, – ответила мисс Юргенс. – Может, он и сумасшедший, но хитрый. Свое дело он знает. Не настолько уж

он чокнутый.

– Я бы хотел с ним встретиться, – сказал Лео Булерио. – Поговорить с ним хотя бы минуточку.

Мысленно он уже решил, что сделает это. Он пойдет в госпиталь, где лежит Палмер Элдрич, и проникнет в его палату силой или подкупом, чтобы узнать, что же тот нашел.

– Когда-то я думала, – говорила мисс Юргенс, – что когда корабли впервые покинут нашу систему и полетят к звездам... Помните, когда это было? Я думала, что мы узнаем... – Она на мгновение замолчала. – Это так глупо, но я была еще ребенком, когда Арнольдсон впервые полетел к Проксиме и вернулся обратно. Я имею в виду, что была еще ребенком, когда он вернулся. Я действительно думала, что так далеко он найдет... – она отвернулась, избегая взгляда Булерио, – что он найдет Бога.

«Я тоже так думал, – подумал Лео. – А я ведь был уже взрослым. Мне было уже за тридцать. Я несколько раз говорил об этом Барни. И лучше мне верить в это и дальше, даже сейчас – после этого десятилетнего полета Палмера Элдрича».

После обеда, вернувшись в свой кабинет в «Наборах П. П.», он впервые увидел Рондинеллу Фьюгейт. Она уже ждала его.

«А она ничего», – подумал Лео, закрывая дверь кабинета. Симпатичная фигура и красивые сияющие глаза. Каза-

лось, она волнуется: она сидела закинув ногу на ногу, оглаживала юбку и искоса поглядывала на него, пока он усаживался за стол напротив нее.

«Совсем молоденькая, – подумал Лео. – Девчонка, которая осмеливается противоречить своему начальнику, поскольку считает, что тот не прав. Трогательно...»

– Вы знаете, зачем я вас вызвал? – спросил он.

– Догадываюсь, что вы сердитесь из-за того, что я не подержала мистера Майерсона. Но я в самом деле видела будущее этой керамики. Что же еще я могла сделать? – умоляюще спросила она, привстав с кресла.

– Я вам верю, – сказал Лео. – Однако мистер Майерсон очень раздражителен. Поскольку вы с ним живете, вы должны знать, что он везде таскает с собой переносного психиатра.

Открыв ящик стола, он достал коробку «Куэста рейс», лучшего сорта сигар, и предложил одну мисс Фьюгейт, которая, поблагодарив, взяла ее. Лео дал ей прикурить, закурил сам и удобно устроился в кресле.

– Вы знаете, кто такой Палмер Элдрич?

– Да.

– Вы можете воспользоваться своими способностями к ясновидению для чего-то другого, кроме прогнозирования моды? Через месяц или два в газетах уже будут сообщать о местоположении госпиталя, в котором находится Палмер Элдрич. Я хочу, чтобы вы взглянули на эти газеты и сказали

мне, где этот человек находится в данный момент. Я знаю, что вы можете это сделать.

«Лучше, чтобы ты смогла, – подумал он, – если хочешь здесь работать и дальше».

Он ждал, дымя сигарой, глядя на девушку и думая с некоторой завистью о том, что если она и в постели так же хороша, как выглядит...

Мисс Фьюгейт, запинаясь, сказала:

– Я вижу, но очень слабо, мистер Булеро.

– Ничего страшного, послушаем. – Он взял ручку.

Ее рассказ занял несколько минут, но в конце концов он записал в блокноте: Госпиталь ветеранов имени Джеймса Риддла, база III на Ганимеде. Принадлежит, естественно, ООН. Он этого ожидал. Дело было, однако, не безнадежным; может быть, ему все же удастся туда попасть.

– Он там под чужим именем, – добавила мисс Фьюгейт, бледная и обессиленная. Она закурила сигару, которая за это время погасла, и, выпрямившись в кресле, снова скрестила свои изящные ноги. – Газеты сообщают, что мистер Элдрич был зарегистрирован под именем... – Она замолчала и крепко зажмурилась. – О черт! – вздохнула она. – Никак не получается. Один слог. Френт. Брент. Нет, думаю, скорее Трент. Да, Элдон Трент.

Она с облегчением улыбнулась. Ее большие глаза лучились детской, наивной радостью.

– Они действительно хорошо постарались, чтобы его

спрятать. Газеты сообщают, что его допрашивают. Значит, он должен быть в сознании. – Внезапно она нахмурилась. – Подождите. Вижу заголовок... я в своей квартире, одна. Сейчас раннее утро, и я читаю первую полосу. О боже!

– Что пишут? – спросил Лео. Он чувствовал, что девушка потрясена.

– В заголовках говорится, что Палмер Эдрич мертв, – прошептала мисс Фьюгейт. Она заморгала, огляделась вокруг и посмотрела на Лео с испугом и неуверенностью, почти ощутимо замыкаясь в себе. Она отодвинулась от него и вжалась в спинку кресла, нервно сплетая пальцы. – И в этом обвиняют вас, мистер Булеро. В самом деле. Так написано в заголовке.

– Вы хотите сказать, что я его убью?

Она кивнула.

– Однако... это не столь определенно. Я видела это только в одном из вариантов будущего... понимаете? Я хочу сказать, что мы, ясновидцы, видим... – Она сделала неуверенный жест.

– Я знаю.

Он хорошо знал ясновидцев: Барни Майерсон работал в «Наборах П. П.» тринадцать лет, а некоторые еще дольше.

– Это может случиться, – хрипло сказал он.

«Почему?» – задавал он себе вопрос. Сейчас трудно сказать. Может быть, когда он доберется до Эдрича, поговорит с ним... А все указывает на то, что это ему удастся.

Мисс Фьюгейт добавила:

– Думаю, что в свете возможных событий вы не должны контактировать с мистером Элдричем. Вы согласны с этим, мистер Булеро? Я хочу сказать, что риск существует, и при этом значительный. Думаю, около сорока.

– Сорока чего?

– Процентом. Почти один к двум.

Уже полностью овладев собой, она смотрела на него, дымя сигарой. Ее глаза, черные и пронизательные, не мигая, глядели на него. В них крылось любопытство.

Он встал с кресла и подошел к двери.

– Спасибо, мисс Фьюгейт. Я вам очень благодарен за помощь.

Он остановился у двери, давая понять, что ждет, когда девушка выйдет.

Однако мисс Фьюгейт не двигалась с места. Он столкнулся с тем же особенным упрямством, которое обеспокоило Барни Майерсона.

– Мистер Булеро, – спокойно сказала она, – думаю, что, собственно, я должна пойти с этим в полицию ООН. Мы, ясновидцы...

Он закрыл дверь.

– Вы, ясновидцы, – прервал он ее, – слишком интересуетесь жизнью других людей.

Однако он знал, что он у нее в руках, и теперь размышлял, что делать.

– Мистера Майерсона могут призвать, – говорила мисс Фьюгейт. – Вы, конечно, об этом знаете. Вы собираетесь воспользоваться своим влиянием, чтобы его от этого спасти?

– Я собираюсь в связи с этим кое-что предпринять, – честно ответил он.

– Мистер Булеро, – тихо, но твердо сказала она, – давайте договоримся. Пусть его призовут, а я стану вашим консультантом по прогнозам моды в Нью-Йорке. – Она выжидающе замерла.

Лео Булеро молчал.

– Что вы на это скажете? – спросила она.

Она явно не привыкла к подобным переговорам, но намеревалась добиться своего, насколько это было возможно. В конце концов, подумал он, каждый, даже самый опытный, должен с чего-то начинать. Может быть, он как раз был свидетелем возможного начала крупной карьеры.

Внезапно он кое-что вспомнил. Он вспомнил, почему ее перевели из Пекина в Нью-Йорк и сделали ассистенткой Майерсона. Ее предсказания бывали неудачными. В сущности, некоторые из них – слишком многие – оказывались ошибочными.

Может быть, и картина будущих заголовков, говорящих о том, что его обвиняют в убийстве Палмера Элдрича, – предположим, что она говорила правду и действительно их видела, – была лишь очередной ошибкой, ложным предсказанием, так же как и те, из-за которых она оказалась в Нью-Йорке.

– Дайте мне время подумать, – предложил он. – Пару дней.

– До завтрашнего утра, – твердо сказала мисс Фьюгейт. Лео рассмеялся:

– Теперь я понимаю, почему Барни был так раздражен.

И Барни, благодаря своим способностям к ясновидению, должен был предчувствовать, пусть хотя бы туманно, что мисс Фьюгейт подставит ему ножку, угрожая его положению.

– Послушайте, вы любовница Майерсона, – сказал Лео, подходя к ней. – Может быть, вам хотелось бы чего-то другого? Я мог бы отдать в ваше распоряжение целый спутник.

«Естественно, если допустить, что удастся выкинуть откуда Скотти», – подумал он.

– Нет, спасибо, – покачала головой мисс Фьюгейт.

– Почему? – удивился Лео. – Ваша карьера...

– Я люблю Майерсона, – ответила она. – И меня не особенно интересуют шаро... – Она прикусила язык. – Люди, которые прошли курс в этих клиниках.

Лео снова открыл дверь.

– Завтра утром я вам сообщу.

Он смотрел, как она идет по коридору и через холл, и думал: «У меня есть время, чтобы добраться до Ганимеда и Палмера Элдрича. Тогда я буду знать больше. Я узнаю, ложны твои предсказания или нет».

Закрыв дверь за девушкой, он быстро подошел к столу и, нажав кнопку видеотелефона с выходом в город, сказал те-

лефонистке:

– Соедините меня с Госпиталем ветеранов имени Джеймса Риддла, третья база на Ганимеде. Я хочу говорить с мистером Элдоном Трентом, пациентом госпиталя. Личный разговор. – Он назвал свою фамилию и номер и отключился, потом снова нажал кнопку и набрал номер космодрома имени Кеннеди.

Он зарезервировал место на корабль-экспресс, вылетающий в тот же вечер из Нью-Йорка на Ганимед, и, шагая по комнате, стал ждать соединения с Госпиталем ветеранов.

Шароголовый, подумал он. Так она хотела назвать своего работодателя.

Через десять минут его соединили.

– Мне очень жаль, мистер Булеро, – извинялась телефонистка. – Мистер Трент не отвечает на звонки. Распоряжение врача.

Значит, Рондинелла Фьюгейт была права: Элдон Трент существует, находится в Госпитале ветеранов, и, вероятнее всего, это и есть Палмер Элдрич. Наверняка стоило туда отправиться.

«Хорошенькое дело, – со злостью думал он, – есть шанс, что я встречу с Палмером Элдричем, поссорюсь с ним бог знает из-за чего и в конце концов окажусь виновником его смерти. Смерти человека, которого в данный момент я даже не знаю. К тому же сухим из воды мне выйти не удастся. Вот так перспектива...»

Однако любопытство его росло. Никогда еще в ходе самых разнообразных операций ему не приходилось убивать. Если между ним и Палмером Элдричем должно было что-то произойти, это «что-то» обещало быть весьма необычным. Лететь на Ганимед определенно стоило, тем более что Рондинелла Фьюгейт сказала лишь о том, что его будут обвинять в убийстве, и не сказала ни слова о приговоре.

Осудить человека с его положением, даже при вмешательстве ООН, будет не так-то просто.

Он решил дать им этот шанс.

Глава 3

В баре недалеко от «Наборов П. П.» Ричард Хнатт маленькими глотками пил коктейль. Коробка с образцами стояла перед ним на столе. Он знал, что с вазочками Эмили было все в порядке: ее керамика всегда хорошо продавалась. Проблема заключалась в ее бывшем муже и его возможностях.

И Барни Майерсон ими воспользовался.

«Нужно позвонить Эмили и сказать ей», – подумал он и начал вставать, но кто-то преградил ему путь.

Странный толстячок на тонких ножках.

– Кто вы? – спросил Хнатт.

Тот закачался перед ним на своих ножках, одновременно копаясь в кармане, как будто успокаивая зуд, вызванный присутствием какого-то микроорганизма, паразитические склонности которого прошли испытание временем. Однако то, что он в конце концов вытащил, оказалось визитной карточкой.

– Мы интересуемся керамикой, мистер Хатт... Натт... Не знаю, как это произносится.

– Ихольц, – вслух прочитал Хнатт. На визитке не было ничего, кроме фамилии, никаких других сведений, даже номера видеотелефона. – Но у меня с собой только образцы. Я дам вам адреса магазинов, где продается моя керамика. Эти же...

– ...Предназначены для миниатюризации, – сказал забавный тип, кивая головой. – Именно это нам и нужно. Мы собираемся миниатюризировать вашу керамику, мистер Хнатт. Мы убеждены, что мистер Майерсон ошибается, – эти вазочки войдут в моду, и очень скоро.

Хнатт вытаращил глаза:

– Вы хотите миниатюризировать, но вы не из «Наборов П. П.»?

Никто другой миниатюризацией не занимался. Все знали, что монополия принадлежит «Наборам П. П.».

Усевшись за стол рядом с коробкой с образцами, мистер Ихольц достал бумажник и начал отсчитывать скины.

– Сначала большого ажиотажа не будет. Но потом... – Он протянул Хнатту пачку коричневых сморщенных шкурок трюфелей, которые служили валютой в Солнечной системе. Только они содержали единственную аминокислоту, которую не мог воспроизвести Дубликатор – открытая на Билтонге форма жизни, которую многие земные заводы использовали вместо автоматических сборочных линий.

– Мне придется согласовать этот вопрос с женой, – сказал Хнатт.

– Разве вы не представляете свою фирму?

– Н-ну... да.

Хнатт взял пачку скинов.

– Теперь договор. – Ихольц достал документ, разложил его на столе и протянул ручку. – Это дает нам исключитель-

ные права.

Наклонившись над бумагой, Ричард Хнатт заметил название фирмы, которую представлял Ихольц. «Чуинг-зет мануфакчурерс», Бостон. Он никогда о ней не слышал. Чуинг-зет... это было похоже на какой-то другой продукт, но он не мог вспомнить какой. Он вспомнил это, лишь когда уже подписал контракт и Ихольц вручил ему копию.

Нелегальный галлюциноген кэн-ди, повсеместно употребляемый в колониях вместе с наборами Подружки Пэт!

Интуитивно он уже предчувствовал грядущие неприятности. Однако отказываться было поздно. Ихольц взял коробку с образцами; ее содержимое теперь принадлежало фирме «Чуинг-зет мануфакчурерс» из Бостона.

– Как... как мне с вами связаться? – спросил Хнатт, когда Ихольц встал из-за столика.

– Вам незачем с нами связываться. Если вы нам понадобится, мы позвоним сами, – улыбнулся Ихольц.

Как, черт побери, сказать об этом Эмили? Хнатт пересчитал skins, прочитал договор и постепенно осознал, сколько заплатил ему Ихольц: хватило бы на пятидневный отдых в Антарктике, в одном из больших холодных курортных городов, где полно богатых землян, где наверняка проводят лето Лео Булеро и ему подобные; а лето теперь продолжалось круглый год.

А может быть, и еще лучше: эта сумма давала ему и Эмили доступ в одно из наиболее привилегированных заведений

на планете – если бы им этого хотелось. Они могли полететь в Германию и пройти курс э-терапии в одной из клиник доктора Вилли Денкмаля.

«Ого!» – подумал Хнатт.

Он заперся в будке видеотелефона и позвонил Эмили.

– Собирай вещи. Мы едем в Мюнхен. В... – Он выбрал первое пришедшее ему в голову название. Объявление этой клиники он видел в одном из дорогих парижских журналов. – В Айхенвальд, – сказал он. – Доктор Денкмаль...

– Барни взял вазочки, – обрадовалась Эмили.

– Нет. Но теперь есть еще одна фирма, которая занимается миниатюризацией.

Хнатт был возбужден и взволнован...

– Барни дал отрицательный прогноз. Ну и что? Заключить договор с этой новой фирмой оказалось еще и лучше. У них, похоже, куча денег. Увидимся через полчаса, я зарезервирую места на экспресс до Мюнхена. Только подумай: э-терапия для нас обоих.

– Если уж на то пошло, – тихо ответила Эмили, – то я вовсе не уверена, что хочу эволюционировать.

– Наверняка хочешь, – удивленно ответил он. – Ведь это может спасти нам жизнь, а если не нам, то нашим детям... нашим будущим детям. И даже если мы пробудем там недолго и эволюционируем лишь чуть-чуть, только представь себе, какие откроются перед нами возможности. Нас везде будут рады видеть. Ты знаешь кого-нибудь, кто прошел курс э-

терапии? Ты же все время читаешь в газетах обо всех этих... людях из высшего общества, но...

– Я не хочу, чтобы у меня были волосы по всему телу, – сказала Эмили. – И я не хочу, чтобы мне увеличивали голову. Нет. В клинику в Айхенвальд я не поеду. – Голос ее звучал твердо и решительно, лицо было спокойным.

– Значит, я поеду один, – сказал Хнатт.

Так будет еще лучше. Ведь это он заключал договоры с покупателями. И он мог бы пробыть в клинике вдвое дольше, эволюционировать вдвое больше, предполагая, естественно, что курс пройдет нормально. В отношении некоторых людей терапия не давала результатов, но это не вина доктора Денк-маля – не все в одинаковой степени были наделены способностью к эволюции. Он был глубоко убежден, что для него лично все сложится великолепно, он станет вровень с крупными шишками, а некоторых даже превзойдет, если иметь в виду то, что Эмили в силу предрассудков не вполне справедливо назвала «волосами».

– А мне что делать, если ты поедешь? Горшки лепить?

– Именно, – ответил он.

Наверняка заказы начнут поступать быстро и в большом количестве, иначе фирма «Чуинг-зет мануфакчурерс» из Бостона не заинтересовалась бы миниатюризацией. Видимо, на нее работали свои ясновидцы, так же как и на «Наборы П. П.». Однако он тут же вспомнил, о чем говорил Ихольц: вначале большой известности не будет. Это означа-

ло, понял Хнатт, что новая фирма не имела сети рекламных агентов, кружившихся вокруг колонизированных спутников и планет. В отличие от «Наборов П. П.» у них не было Аллена и Шарлотты Фейн, которые могли бы распространить эти новости.

Чтобы вывести на орбиту спутники с рекламными агентами, требуется немало времени. Это естественно.

И все же он беспокоился. В какой-то момент он оказался близок к панике, подумав: неужели это нелегальная фирма? Может быть, чуинг-зет, так же как и кэн-ди, – запрещенное средство? Может быть, он ввязался во что-то опасное?

– Чуинг-зет, – вслух сказал он Эмили. – Ты что-нибудь о них слышала?

– Нет.

Он достал контракт и еще раз прочитал его.

«Вот так история, – подумал он. – Если бы только этот чертов Майерсон сказал «да»...»

В десять утра знакомый жуткий рев сирены разбудил Сэма Ригана. Он мысленно обругал круживший в небе корабль ООН, зная, что они делают это специально. Экипаж корабля, зависшего над бараком, хотел убедиться в том, что колонисты – а не местное зверье – получают доставленные им посылки.

«Получим, получим», – бормотал себе под нос Сэм Риган, застегивая молнию комбинезона с подогревом.

Он натянул на ноги высокие сапоги и полусонно потащился к двери.

– Слишком рано прилетели, – ворчал Тод Моррис. – И я готов поспорить, что там только железки, сахар и сало – ничего интересного вроде, скажем так, конфеток.

Норм Шайн навалился плечом на дверь и нажал. Они зажмурились, когда их захлестнул поток яркого холодного света.

В вышине, на фоне черного неба, блеснул корабль ООН, как будто подвешенный на невидимой нити. Хороший пилот, оценил Тод, и, видимо, неплохо знает район Файнберг-Кресцент. Тод помахал кораблю рукой, и снова взревела сирена, заставив его зажать уши.

Из нижней части корабля появился контейнер, автоматически выдвинул стабилизаторы и по спирали полетел вниз.

– Дерьмо, – с отвращением сказал Сэм Риган. – Это железки. Им парашют не требуется.

Он отвернулся, потеряв всякий интерес к происходящему.

«Как здесь отвратительно, – подумал он, окидывая взглядом поверхность Марса. – Убожество. Зачем мы сюда прилетели? Пришлось, нас заставили».

Контейнер ООН приземлился. Стенки от удара потрескались, и трое колонистов заметили канистры, заполненные чем-то, напоминавшим фунтов пятьсот соли. Сэм Риган еще больше упал духом.

– Эй, – сказал Шайн, подходя к контейнеру и заглядывая внутрь, – кажется, я вижу кое-что, что может нам пригодиться.

– Эти коробочки выглядят так, как будто там внутри радиоприемники, – заметил Тод. – Транзисторные. – Он задумчиво подошел к Шайну. – Может быть, нам удастся их использовать для чего-нибудь в наших наборах.

– В моем уже есть радио, – сказал Шайн.

– Ну, из этих деталей можно было бы собрать электронную самоходную косилку для газонов, – заявил Тод. – Этого у тебя, кажется, нет.

Он довольно хорошо знал набор Подружки Пэт Шайна. Обе пары, он со своей женой и Шайн со своей, составляли идеальную компанию.

– Я следующий в очереди на радио! – крикнул Сэм Риган. – Мне пригодится.

В его наборе не хватало механизма для открывания дверей гаража, который был у Шайна и Тода. В этом он существенно отстал от них. Естественно, все это можно купить, но он был совершенно на мели. Весь свой заработок он истратил на то, что считал более необходимым. Он купил у торговца довольно большое количество кэн-ди и хорошо его спрятал, закопав под койкой, стоявшей на самом нижнем уровне их совместного жилища.

Он сам был верующим; он верил в чудо переселения душ, в этот почти священный момент, когда миниатюрные набо-

ры начинали не просто напоминать Землю, но становились ею. Тогда он и другие, объединенные и перенесенные в этот миниатюрный мир благодаря кэн-ди, отправлялись в другое пространство и время. Многие колонисты еще не стали верующими, для них наборы были лишь символами мира, к которому они уже не принадлежали. Однако постепенно, один за другим, уверуют и они.

Даже сейчас, ранним утром, он не мог дождаться возвращения вниз и того момента, когда он откусит кусочек кэн-ди из тайника, чтобы, разжевав его, присоединиться к товарищам в той торжественной церемонии, которая еще им оставалась.

Он повернулся к Тоду и Шайну:

– Кто-нибудь из вас хочет переместиться?

Так они называли участие в сеансе.

– Я возвращаюсь вниз, – сказал он. – Немного кэн-ди нам сейчас не помешает. Я поделюсь с вами своим.

– Так рано? – спросил Норм Шайн. – Мы же только что встали. Впрочем, нам все равно нечего делать.

Он угрюмо пнул большой полуавтоматический экскаватор, который уже много дней стоял перед входом в барак. Ни у кого не было сил выйти на поверхность и заняться начатой месяц назад расчисткой территории.

– Однако я думаю, – буркнул он, – что нам следует быть наверху и работать в огородах.

– Ну и огород здесь у тебя, – засмеялся Сэм Риган. – И что

ты тут такое выращиваешь? Знаешь, как это называется?

Норм Шайн, сунув руки в карманы комбинезона, прошагал по рыхлой, песчаной почве, поросшей скупой растительностью, к своему не слишком ухоженному огороду. Он остановился и тщательно оглядел грядки в надежде, что проросло больше специально подготовленных семян, но не нашел ни одного нового ростка.

– Брюссельская капуста, – ободряюще сказал Тод. – Хотя она и мутировала, я узнаю эти листья.

Норм отломил лист и начал жевать, однако быстро выплюнул. Лист был горький и весь в песке.

Из барака появилась Хелен Моррис, дрожа на холодном ветру.

– У нас с Фрэн вопрос, – обратилась она к мужчинам. – На Земле психоаналитики брали пятьдесят долларов за час или только за сорок пять минут? Мы хотим, – объяснила она, – добавить аналитика к нашему набору и хотим соблюсти все в точности. Это настоящий, сделанный на Земле и доставленный сюда экземпляр. Помните тот корабль Булери, который прилетал на прошлой неделе...

– Помним, – кисло ответил Норм Шайн.

Цены, которые запросил продавец, они помнили тоже. А Аллен и Шарлотта Фейн не перестают болтать о разных частях наборов, разжигая у них аппетит.

– Спроси у Фейнов, – предложил жене Тод. – Свяжись с ними по радио, когда они снова будут над нами пролетать. –

Он взглянул на часы. – Спутник прилетит через час. У них там есть все данные о товарах. Хотя, честно говоря, эти данные должны прилагаться к тому, что покупаешь.

Этот вопрос его беспокоил, поскольку именно его скины – его и Хелен – пошли на оплату маленькой фигурки психоаналитика, а также диванчика, столика, коврика и полочки с весьма качественно миниатюризированными книгами.

– Ты ведь ходил к психоаналитику там, на Земле, – обратилась Хелен к Норму Шайну. – Сколько он брал?

– Ну, в основном я ходил на групповую терапию, – ответил Норм. – В Клинике психогигиены в Беркли брали столько, сколько ты был в состоянии заплатить. А Подружка Пэт и ее парень ходят, естественно, к частному психоаналитику.

Он шел по выделенному ему огороду, между рядами потрепанных листьев, каждый из которых был чем-нибудь заражен или наполовину съеден местными микроскопическими вредителями. Если ему удастся найти хотя бы одно нетронутое растение, одно здоровое... Ему бы этого хватило, чтобы вернуть себе присутствие духа. Инсектициды с Земли никуда не годились, местные вредители буйствовали в свое удовольствие. Они ждали десять тысяч лет, пока кто-то не появится и не попытается здесь что-то выращивать.

– Полить бы надо, – заметил Год.

– Надо, – согласился Норм Шайн.

Он угрюмо направился в сторону гидросистемы барака Чикен-Покс, подключенной к уже частично засыпанному ир-

ригационным каналам, обслуживавшим все огороды барака. Он сообразил, что, перед тем как поливать растения, нужно очистить каналы от песка. Если они быстро не приведут в действие большой экскаватор класса А, им не удастся полить огороды, даже если они этого захотят. Однако заниматься этим ему не хотелось. Тем не менее он не мог, как Сэм Риган, просто повернуться и спуститься обратно вниз, чтобы развлекаться со своим набором, собирать или монтировать новые детали, вносить поправки или же, как только что предлагал Сэм, принять дозу старательно спрятанного кэн-ди и начать перемещаться. Он прекрасно понимал, какая лежит на нем ответственность.

– Попроси мою жену, чтобы она пришла сюда, – сказал он Хелен. – Фрэн будет показывать направление, когда он сядет за руль экскаватора: у нее хороший глазомер.

– Я ей скажу, – вызвался Сэм Риган, направляясь вниз. – Кто идет со мной?

За ним никто не последовал; Тод и Хелен Моррис пошли взглянуть на свой огород, а Норм Шайн был занят тем, что стаскивал защитный чехол с экскаватора и подготавливал его к запуску.

Сэм Риган обнаружил Фрэн сидящей на корточках над набором Подружки Пэт, который Моррисы и Шайны составили вместе.

Занятая своим делом, она сказала, не поднимая головы:

– Подружка Пэт поехала в центр на новом «форде», при-

парковалась, бросила десять центов в счетчик, сделала покупки, а теперь она в приемной психоаналитика и читает «Форчун». Вот только сколько она должна заплатить за визит? – Она бросила на него взгляд, пригладила длинные темные волосы и улыбнулась.

Фрэн была, несомненно, самой красивой и самой талантливой в бараке. Он мысленно отметил это, и отнюдь не впервые.

– Как ты можешь забавляться этим набором и не жевать... – сказал он и огляделся вокруг. Похоже было, что они одни. Он наклонился и прошептал: – Пойдем пожую вместе немного первоклассного кэн-ди. Как раньше. Хорошо?

С бьющимся сердцем он ждал ее ответа. Вспоминая о том, как в последний раз они, соединившись друг с другом, перенесли в мир Подружки Пэт, он почувствовал возбуждение.

– Хелен Моррис вернется...

– Нет, они возьмется с экскаватором там, наверху. Раньше чем через час они не вернутся.

Он взял Фрэн за руку и потянул за собой.

– То, что мы получаем в обычной коричневой обертке, – говорил он, ведя ее в коридор, – нужно быстро использовать. Его нельзя долго хранить, иначе оно стареет и теряет силу.

«А за эту силу мы дорого платим, – мрачно размышлял он. – Слишком дорого, чтобы расходовать ее впустую».

Хотя некоторые – не из этого барака – утверждали, что сила, дающая возможность переместиться, происходит вовсе

не от кэн-ди, а связана с точностью сборки набора. Он считал, что это чушь, но многие склонялись именно к такому мнению.

Когда они торопливо входили в комнату Сэма, Фрэн сказала:

– Я приму кэн-ди вместе с тобой, но когда мы будем уже там, на Земле, мы не будем больше ничем таким заниматься... ну, ты знаешь. То, что мы будем Уолтом и Пэт, не дает нам права... – Она предостерегающе нахмурилась, упрекая его за поведение в прошлый раз и за намерения, о которых она не просила.

– Значит, ты признаешь, что мы на самом деле переносимся на Землю?

На эту тему они спорили уже много раз. Фрэн склонялась к мысли, что перемещение только мнимое, что вокруг – колонисты называли это игрой случая – лишь воображаемые обстоятельства и предметы.

– Я считаю... – медленно сказала Фрэн, высвобождая пальцы из его руки и останавливаясь перед дверью комнаты, – не имеет значения, что это – игра воображения, вызванная наркотиком иллюзия или действительный перенос на Землю наших воспоминаний... – Она замолчала и снова строго посмотрела на него. – Думаю, мы должны вести себя прилично, чтобы не нарушать чистоты нашего общения. – Глядя, как Сэм осторожно отодвигает от стены железную койку и опускает длинный крюк в открывшееся отвер-

стие, она добавила: – Это должно стать нашим очищением, освобождением от брэнной телесной оболочки и переходом в бессмертное тело, по крайней мере на некоторое время – или навсегда, если верить, как некоторые, что это происходит вне времени и пространства, что это вечно. Ты так не думаешь, Сэм? Знаю, что не думаешь. – Она вздохнула.

– Духовное начало, – поморщился Сэм, вытаскивая пакет кэн-ди из дыры в полу. – Отрицание действительности, которое дает... что? Ничего.

– Я не могу доказать, – сказала Фрэн, подходя ближе и глядя, как он открывает пачку, – что воздержание приносит какую-либо пользу. Однако я знаю одно, то, чего ни ты, ни другие сенсуалисты среди нас не в состоянии понять: когда мы принимаем кэн-ди и покидаем наши тела, мы умираем. А умирая, мы сбрасываем бремя... – Она заколебалась.

– Ну, говори же, – подбадривал ее Сэм, открывая пакет и отрезая ножом полоску твердой коричневой субстанции, напоминающей по структуре растительные волокна.

– ...греха, – прошептала Фрэн.

Сэм Риган расхохотался:

– Ну ладно. По крайней мере, у тебя ортодоксальные взгляды.

Большинство колонистов согласилось бы с Фрэн.

– Однако, – продолжал он, снова пряча пакетик в безопасном месте, – кэн-ди жуют не для этого. Я не хочу ничего терять... Скорее, я хочу кое-что приобрести.

Он закрыл дверь, после чего быстро достал свой набор Подружки Пэт, разложил его на полу и лихорадочно расставил все предметы по своим местам.

– То, на что мы обычно не имеем права, – добавил он, как будто Фрэн этого не знала.

Ее муж, или его жена, или оба, или другие обитатели барака могли появиться в тот момент, когда Фрэн и он будут в состоянии перемещения. Они увидят их тела, сидящие на допустимом расстоянии друг от друга. Никто, даже самый большой пуританин, не обнаружит в этом ничего плохого. Об этом узнали уже давно: сожительство невозможно доказать – эксперты ООН на Марсе и в других колониях не пытались сделать это, но безрезультатно. В состоянии перемещения можно совершить убийство, любое преступление, а с точки зрения закона это будет лишь несбывшимся желанием, иллюзией.

Этот крайне интересный факт давно уже был для него поводом, чтобы принимать кэн-ди. Для него жизнь на Марсе имела и свои приятные стороны.

– Думаю, – сказала Фрэн, – ты искушаешь меня, ты склоняешь меня к плохим поступкам.

Она грустно села, а ее глаза, большие и темные, сосредоточились в центре набора, около огромного гардероба Подружки Пэт. Не говоря ни слова, она начала рассеянно играть миниатюрной шубкой из соболя.

Он протянул ей половину полоски кэн-ди, после чего бро-

сил оставшуюся часть в рот и начал с наслаждением жевать.

Фрэн тоже начала жевать, все еще с грустным видом.

Он был Уолтом. У него был спортивный корабль марки «Ягуар ХХВ», на котором можно было выжать пятнадцать тысяч миль в час. У него были итальянские рубашки и английские ботинки. Открыв глаза, он увидел стоящий напротив кровати телевизор, который автоматически включился, настроенный на утреннее шоу великого комедиантатора Джима Брискина. Брискин как раз появился на экране в огненно-рыжем парике. Уолт сел, нажал кнопку, превращавшую кровать в огромное кресло, и откинулся поудобнее, чтобы немного посмотреть программу.

– Я стою здесь, на углу Ван Несс и Маркет в центре Сан-Франциско, – приятным голосом говорил Брискин. – Мы сейчас станем свидетелями открытия великолепного нового дома имени сэра Фрэнсиса Дрейка, первого дома, который полностью находится под землей. Рядом со мной стоит очаровательная исполнительница баллад, которая даст зданию имя и...

Уолт выключил телевизор, встал, босиком подошел к окну, раздвинул занавески и посмотрел на теплую, сверкающую улицу Сан-Франциско, на холмы и белые дома. Было субботнее утро, и ему не нужно было идти на работу в «Ампекс корпорейшн» в Пало-Альто. Он с удовольствием подумал, что сегодня у него свидание с его девушкой, Пэт Кристенсен, которая жила в новом доме на Потреро-Хилл.

Суббота была всегда.

В ванной он сполоснул лицо водой, потом выдавил крем из тюбика и начал бриться. Глядя в зеркало на знакомое лицо, он заметил прикрепленную там записку, написанную его собственным почерком:

ЭТО ИЛЛЮЗИЯ. ТЫ – СЭМ РИГАН, КОЛОНИСТ С МАРСА. РАСПОРЯДИСЬ СВОИМ ВРЕМЕНЕМ КАК СЛЕДУЕТ. ПРИЯТЕЛЬ! НЕМЕДЛЕННО ПОЗВОНИ ПЭТ!

Бумажка была подписана: «Сэм Риган».

Иллюзия, подумал он. Как это? Он попытался вспомнить: Сэм Риган и Марс, жуткий барак колонистов... Да, он смутно вспоминал что-то такое, но воспоминания были далекими, полустертыми и не слишком убедительными. Он пожал плечами и продолжил прерванное бритье, слегка удивленный и озадаченный. Ладно, допустим, в бумажке написана правда; может быть, он и помнил тот мир, ту угрюмую псевдожизнь эмигранта поневоле, изгнанного из естественной среды. И что с того? Зачем ему уничтожать то, что он имеет? Он сорвал записку, скомкал ее и бросил в мусоропровод.

Закончив бриться, он сразу же позвонил Пэт.

– Послушай, – холодно и коротко сказала она. Ее светлые волосы блестели, она как раз их сушила. – Я не хочу тебя видеть, Уолт. Потому что я знаю, что тебе нужно, а мне вовсе этого не хочется. Понимаешь?

Ее серо-голубые глаза холодно смотрели на него.

– Гм, – кашлянул он, пытаясь придумать какой-нибудь ответ. – Ведь сегодня великолепный день – пойдем куда-нибудь. Может быть, в парк «Золотые Ворота»?

– Будет слишком жарко.

– Нет, – поспешно запротестовал он. – Утром должно быть прохладно. Ну, мы могли бы погулять по пляжу и поплескаться в воде. Хорошо?

Она явно колебалась.

– Однако, судя по нашему недавнему разговору...

– Не было никакого разговора. Я не видел тебя целую неделю, с прошлой субботы. – Он старался, чтобы его голос звучал твердо и убедительно. – Я заеду за тобой через полчаса. Надень купальник, знаешь, тот желтый – испанский, с бюстгальтером.

– О, – презрительно ответила она, – он уже совсем вышел из моды. У меня есть новый, шведский, ты его еще не видел. Я надену его, если можно такие носить. Девушка в магазине не была в этом уверена.

– Договорились, – сказал он и отключился.

Через полчаса его «ягуар» опустился на посадочной площадке на крыше ее дома.

Пэт была одета в свитер и брюки, купальник, как она объяснила, был под ними. Неся корзинку с едой, она пошла вместе с ним к кораблю. Живая и прекрасная, она шла впереди него, забавно семеня ногами в маленьких сандалиях. Похо-

же, что все же будет прекрасный день, теперь, когда первоначальная тревога прошла... слава богу.

– Подожди, увидишь мой купальник! – крикнула она, вскакивая в стоящий корабль и ставя корзинку на пол. – Он в самом деле очень смелый. Его почти нет, требуются некоторые усилия, чтобы поверить в его существование.

Когда он сел, она прижалась к нему.

– Я думала о том нашем разговоре... позволь мне закончить. – Она положила пальцы ему на губы, требуя молчания. – Я знаю, что разговор был, Уолт. Но в некотором смысле ты прав. Мы должны максимально использовать наши возможности. У нас мало времени, лишь столько, чтобы... по крайней мере, мне так кажется.

Она слабо улыбнулась.

– Так что лети так быстро, как только можешь. Я хочу увидеть океан.

Вскоре они оказались на стоянке у окраины пляжа.

– Будет все жарче, – рассудительно сказала Пэт. – С каждым днем. Правда? Пока в конце концов это станет невыносимо. – Она стянула свитер и, приподнявшись в кресле, ухитрилась снять джинсы. – Однако мы до этого не доживем. Пройдет еще лет пятьдесят, прежде чем станет невозможно в полдень выйти из дома. Когда, как говорится, собаку будет на улицу не выгнать. Сейчас еще не так плохо.

Она открыла дверцу и вышла наружу, одетая в купальный костюм. Она действительно была права: оставалось верить

ей на слово, что он на ней надет. Костюм полностью отвечал желаниям их обоих.

Они шли рядом по мокрому, слежавшемуся песку, разглядывая медуз, ракушки и камешки, выброшенные волнами на берег.

– Какой сейчас год? – остановившись, вдруг спросила Пэт.

Чистые и длинные пряди ее распущенных волос развевались на ветру, как золотой пух.

– Ну, кажется... – начал он, но никак не мог вспомнить. – Черт возьми!

– Ладно, не важно.

Она взяла его под руку, и они не спеша пошли дальше.

– Смотри, там, за теми скалами, уютное местечко! – крикнула она и ускорила шаг. Ее длинные изящные ноги сражались с ветром, песком и знакомой тяжестью старого, давно утраченного мира. – Я... как ее зовут?.. Фрэн? – вдруг спросила она. – Или я Патриция Кристенсен? – Она пригладила волосы обеими руками. – У меня светлые волосы, значит, я Пэт. Подружка Пэт.

Она скрылась за скалами. Он быстро пошел следом.

– Когда-то я была Фрэн, – бросила она через плечо, – но сейчас это не имеет значения. Раньше я могла быть кем угодно: Фрэн, Хелен или Мэри. Сейчас это не имеет значения, правда?

– Нет, – не согласился он, догоняя ее. Тяжело дыша, он сказал: – Это важно, что ты была Фрэн. Это существенно.

– Существенно.

Она бросилась на песок и легла, опершись на локоть и чертя на песке кусочком черного камня длинные глубокие борозды. Потом она отбросила камень и села, глядя на океан.

– Однако все здесь... из мира Пэт.

Она положила руки на свои груди и медленно подняла их вверх с выражением легкого удивления на лице.

– Они, – сказала она, – принадлежат Пэт. Мои меньше, я помню.

Он молча сел рядом.

– Мы здесь, – наконец сказала она, – чтобы делать то, чего мы не можем делать в бараке. Там, где мы оставили наши убогие тела. Пока будут в порядке наши наборы, все это... – Она замолчала и махнула рукой в сторону океана, потом снова коснулась груди, казалось, не веря своим глазам. – Это тело не может постареть, правда? Мы стали бессмертными.

Она легла лицом вверх на теплый песок и закрыла глаза, заслонив лицо рукой.

– А поскольку мы здесь и можем заниматься тем, чего нельзя делать в бараке, в соответствии с твоей теорией мы должны именно этим и заниматься. Мы должны воспользоваться предоставленной нам возможностью.

Он наклонился и поцеловал ее в губы.

Внезапно он услышал прозвучавший в мозгу чей-то голос:

– Ведь я могу делать это в любой момент.

Он почувствовал присутствие в своем теле кого-то чужо-

го. Он отодвинулся от девушки и сел.

«В конце концов, – сказал Норм Шайн, – я ее муж. – И рассмеялся.

– Кто тебе позволил пользоваться моим набором? – подумал со злостью Сэм Риган. – Убирайся из моей комнаты. И могу поспорить, что ты пользуешься моим кэн-ди».

– Ты сам мне его предложил, – ответил обитатель его тела. – Я решил воспользоваться приглашением.

«Я тоже здесь, – подумал Тод Моррис. – И если хочешь знать мое мнение...»

– Никто тебя об этом не спрашивает, – рассердился Норм Шайн. – Тебя вообще никто сюда не приглашал. Почему бы тебе не продолжить ковыряться в своем убогом огороде, где ты должен сейчас быть?

«Я с Сэмом, – холодно думал Тод Моррис. – Только здесь я могу делать это».

Сила его воли соединилась с волей Сэма. Уолт снова склонился над лежащей девушкой и снова поцеловал ее в губы, на этот раз с большим чувством.

Не открывая глаз, Пэт тихо сказала:

– Это я, Хелен. Я тоже здесь. – Потом добавила: – И Мэри тоже. Однако мы не брали твоего кэн-ди. У нас есть свой.

Она обняла его: три обитательницы тела Подружки Пэт объединились в едином порыве. Удивленный Сэм Риган разорвал контакт с Тодом Моррисом, подчинился воле Нормы Шайна, и Уолт оставил в покое Подружку Пэт.

Волны океана омывали их, лежащих на песке, – два тела, содержавшие в себе личности шести человек. Шесть в двух, подумал Сэм Риган. Снова та же самая загадка: как это получается? Все тот же старый вопрос.

«Однако меня волнует лишь то, – думал он, – пользовались ли они моим кэн-ди. А я готов побиться о заклад, что это так. Меня не волнует, что они говорят. Я им не верю».

Встав, Подружка Пэт сказала:

– Ну, я вижу, что могу пойти искупаться. Ничего не происходит.

Она вошла в воду и с плеском начала удаляться от смотревших на нее обитателей второго тела.

«Упустили такую возможность», – со злостью подумал Тод Моррис.

– Это я виноват, – признался Сэм. Совместными усилиями им с Тодом удалось встать. Они прошли несколько шагов вслед девушке и, оказавшись по щиколотку в воде, остановились.

Сэм Риган уже ощущал, что действие наркотика заканчивается. Он чувствовал слабость, страх и отвращение, которыми это сопровождалось.

«Так чертовски быстро, – подумал он. – Все кончено; снова в барак, в нору, в которой мы извиваемся и ползаем, как черви, боящиеся дневного света. Бледные, промокшие и отвратительные».

Его передернуло.

Он снова увидел свою комнату, металлическую койку, умывальник, стол, кухонную плиту... и разбросанные, как кучи тряпья, пустые тела лежащих без сознания товарищей: Тода и Хелен Моррис, Норма Шайна и своей жены Мэри. Они смотрели на него пустыми глазами. Он с отвращением отвернулся.

На полу между ними стоял набор. Сэм увидел обе куклы, Пэт и Уолта, на берегу океана, возле припаркованного «ягуара». На Подружке Пэт, естественно, был почти невидимый шведский купальник, а рядом с лежащими стояла маленькая корзинка с провизией.

Около набора он заметил коричневую бумагу из-под кэнди. Они израсходовали все. Он даже видел тонкие струйки блестящего коричневого сиропа, стекавшие из уголков бессмысленно приоткрытых ртов.

Фрэн Шайн пошевелилась, открыла глаза и застонала. Она посмотрела на него и тяжело вздохнула.

– Они до нас добрались, – сказал он.

– Мы слишком долго тянули.

Она встала, зашаталась и чуть не упала. В то же мгновение он был рядом с ней, поймал ее и поддержал.

– Ты был прав. Надо было сделать это сразу, если нам хотелось. Однако...

Она позволила ему на мгновение обнять ее.

– Я люблю длинные вступления. Прогулки по пляжу, демонстрацию купальника, которого почти нет... – Она улыб-

нулась.

– Могу поспорить, что еще несколько минут они будут без сознания, – сказал Сэм.

– Да, ты прав, – ответила Фрэн, широко открывая глаза. Она выскользнула из его объятий, подскочила к двери, быстро открыла ее и исчезла в коридоре. – В нашей комнате! – крикнула она ему. – Поторопись!

Обрадованный, он поспешил за ней. Это казалось очень забавным, его разбирал смех. Фрэн бежала перед ним по трапу вверх, на свой уровень барака. Он догнал ее и, когда они добежали до ее комнаты, подхватил на руки. Они вместе ввалились внутрь и со смехом покатались по металлическому полу к противоположной стене.

«И все-таки мы победили», – подумал он, ловко расстегивая ее бюстгальтер и молнию на юбке и снимая туфли без шнурков, похожие на тапочки. Все сразу. Его пальцы блуждали везде, и Фрэн вздохнула. На этот раз не от усталости.

– Я лучше закрою дверь.

Он встал, быстро подошел к двери и закрыл ее на задвижку. Тем временем Фрэн быстро разделась.

– Иди сюда, – торопила она его. – Не стой так.

Она поспешно бросила одежду на пол и придавила ее сверху туфлями.

Он лег рядом с ней, а ее ловкие холодные руки начали его ласкать. В черных глазах разгорался огонь, и прикосновение ее пальцев давало ни с чем не сравнимое наслаждение.

И это именно здесь, в этой жуткой дыре на Марсе! Однако обычно им удавалось делать это старым, единственно возможным способом – благодаря наркотику, который тайно доставляли торговцы. Им дал эту возможность кэн-ди. Они продолжали в нем нуждаться. Они не были свободны.

«И не могли быть, – подумал он, когда колени Фрэн сжали его обнаженные бедра. – Совсем наоборот. Нам бы даже не помешало еще немного», – думал он, в то время как его рука опускалась по ее плоскому, дрожащему животу.

Глава 4

В приемной Госпиталя ветеранов имени Джеймса Риддла, на базе III на Ганимеде, Лео Булеро приподнял дорогую, ручной работы шляпу перед девушкой в накрахмаленном белом халате и сказал:

– Я приехал повидаться с одним из пациентов, мистером Элдоном Трентом.

– Весьма сожалею, сэр... – начала девушка, но он бесцеремонно перебил ее:

– Скажи ему, что здесь Лео Булеро. Понимаешь? Лео Булеро.

Возле ее руки он заметил регистрационный журнал, а в нем номер палаты Элдрича. Когда девушка отвернулась, он двинулся вглубь коридора.

«Черт побери, – подумал он. – Я преодолел миллионы миль и намерен увидеть его, кем бы он ни был».

У дверей палаты его остановил солдат ООН, вооруженный автоматом; молоденький солдатик с чистыми, холодными, как у той девушки, глазами – глазами, которые однозначно говорили «нет» – даже ему.

– Ладно, – пробормотал Лео. – Я все понимаю. Но если бы тот, кто там лежит, знал, что я здесь, он приказал бы меня впустить.

Позади него раздался резкий женский голос, при звуке ко-

торого Лео вздрогнул.

– Как вы узнали, что мой отец здесь, мистер Булеро?

Он обернулся и увидел коренастую женщину лет тридцати пяти, которая пристально разглядывала его.

«Это Зоя Эдрич, – подумал он. – Ошибиться невозможно. Я довольно часто видел ее в газетах, в светской хронике».

Появился представитель ООН.

– Мисс Эдрич, если вы хотите, мы можем удалить мистера Булеро из здания. Это зависит от вас.

Он мило улыбнулся Лео, и тот сразу же его узнал. Это был шеф юридического отдела ООН, начальник Неда Ларка, Фрэнк Сантина. Черноглазый энергичный Сантина бросил взгляд на Зою Эдрич, ожидая ответа.

– Нет, – решила наконец Зоя Эдрич. – По крайней мере не сейчас. Не раньше чем я выясню, откуда он узнал, что папа находится здесь. Он не должен был этого знать. Верно, мистер Булеро?

– Наверняка он воспользовался услугами одного из своих ясновидцев, – буркнул Сантина. – Так, Булеро?

Лео неохотно кивнул.

– Видите ли, мисс Эдрич, – объяснил Сантина, – такой человек, как Булеро, может купить все, что пожелает, талант любого рода. – Он показал на двух вооруженных охранников перед дверью Палмера Эдрича. – Вот почему эти двое стоят здесь днем и ночью. Мы ждали тебя, Булеро.

– Может, все-таки есть какая-то возможность поговорить

с Эддричем по делу? – спросил Лео. – Для этого я прилетел сюда. Я не требую ничего незаконного. Думаю, вы все свихнулись или пытаетесь что-то скрыть. Может, у вас совесть нечиста?

Он смерил их взглядом, но не заметил какой-либо реакции.

– Там в самом деле Палмер Эддрич? – спросил он. – Готов поспорить, что нет.

Он снова не получил никакого ответа. Никто из них не попадался на удочку.

– Я устал, – наконец сказал он. – Я долго добирался сюда. К черту все, я хочу поесть, а потом найти какой-нибудь номер в отеле, поспать часов десять и забыть об этом.

Он повернулся и ушел.

Ни Сантина, ни мисс Эддрич не пытались его остановить. Разочарованный, он шел дальше, чувствуя все возрастающее отвращение.

Видимо, придется добираться до Палмера Эддрича через какого-нибудь посредника.

«Может быть, – подумал он, – Феликс Блау и его частные детективы сумели бы сюда проникнуть. Стоит попробовать».

Он был настолько подавлен, что все казалось ему лишеным смысла. Почему бы не сделать так, как он сказал: поесть, а потом немного отдохнуть, забыть на время о Палмере Эддриче?

«К черту их всех, – подумал он, выходя из госпиталя и идя

по тротуару в поисках такси. – Дочка, – думал он. – Крепкая баба, а с этой короткой стрижкой и без макияжа выглядит как лесбиянка. Тьфу!»

Он нашел такси и вскоре уже летел, погруженный в размышления.

В конце концов с помощью видеотелефона в такси он связался с Землей, с Феликсом Блау.

– Рад тебя видеть, – сказал Феликс Блау, сообразив, с кем говорит. – В Бостоне при странных обстоятельствах появилась некая организация, которая, похоже, с неба свалилась...

– Чем они занимаются?

– Они хотят что-то выбросить на рынок. Они уже запустили в действие всю рекламную машину, в том числе три рекламных спутника вроде твоих. Один на орбите Марса, другой на орбите Ио, а третий летает вокруг Титана. По слухам, они собираются выйти на рынок с товаром повседневного спроса, составляющим конкуренцию твоему набору Подружки Пэт. У них это называется Конни-Куколка. – Он усмехнулся. – Ловко?

– А что с... ну, ты знаешь. С приложением? – спросил Лео.

– Нет информации. Если допустить, что какое-то приложение есть, они будут распространять его помимо легальных торговых каналов. Набор без... приложения имеет какой-нибудь смысл?

– Нет.

– Значит, вот тебе ответ на твой вопрос.

– Я позвонил тебе, – он сменил тему, – чтобы узнать, не можешь ли ты устроить мне беседу с Палмером Элдричем. Я обнаружил его здесь, на Ганимеде, на третьей базе.

– Помнишь мое сообщение о том, что Элдрич привез лишайник, похожий на тот, который используется для производства кэн-ди? А может быть, эта фирма в Бостоне принадлежит Элдричу? Хотя, кажется, прошло слишком мало времени. Однако он мог дать радиограмму дочери с десятилетним опережением.

– Теперь я уже обязательно должен с ним встретиться, – сказал Лео.

– Полагаю, речь идет о Госпитале ветеранов. Мы подозревали, что он может быть там. Кстати, ты слышал когда-нибудь о человеке по имени Ричард Хнатт?

– Нет.

– Представитель этой новой фирмы в Бостоне встретился с ним и заключил какой-то договор. Этот представитель, Ихольц...

– Что за галиматья, – перебил Лео. – А я даже не могу добраться до Элдрича. Сангина караулит у дверей вместе с этой розовой дочкой Палмера.

Он пришел к выводу, что через преграду в лице этих двоих не пробиться никому.

Он сообщил Блау адрес отеля на базе III, где он оставил багаж, а потом закончил разговор.

«Готов поспорить, что этот конкурент – Палмер Элдрич, –

подумал он. – Такова уж моя судьба. Приходится заниматься именно тем делом, которым решил заняться вернувшийся с Проксимы Элдрич. Почему я не делаю систем наведения для ракет, соперничая лишь с «Дженерал электрик» и «Дженерал дайнэмикс»?»

Теперь он уже всерьез задумался о том, что за лишайник привез с собой Элдрич. Наверняка улучшенную разновидность сырья для кэн-ди. Более дешевую в производстве, дающую возможность более мощного и более длительного перемещения. О господи!

Ему пришла в голову странная мысль. Недавно в Объединенной Арабской Республике возникла новая организация обученных наемных убийц. Они наверняка смогли бы найти возможность убрать Палмера Элдрича. Раз уж он, Лео Булуро, решил...

Однако оставалось еще предсказание Рондинеллы Фьюгейт, что в будущем его обвинят в убийстве Палмера Элдрича.

Видимо, он найдет какой-то способ обойти препятствия. У него с собой было оружие – настолько маленькое, настолько незаметное, что даже самый тщательный обыск не мог бы его обнаружить. Когда-то очень давно один хирург в Вашингтоне вшил ему в язык самонаводящуюся отравленную стрелочку, сделанную по советскому образцу, – но значительно усовершенствованную, поскольку, выполнив свою задачу, она самоуничтожилась, не оставляя следов в теле

жертвы. Яд был тоже необычный: он не влиял на работу сердца или артериальное давление, но представлял собой вирус, который проникал в кровь жертвы и там размножался, вызывая смерть в течение сорока восьми часов. Это был канцерогенный вирус, обнаруженный на одном из спутников Урана и до сих пор не исследованный. Это стоило ему целого состояния. Теперь достаточно было остановиться в шаге от того, кого он собирался убить, и надавить рукой на основание языка, одновременно высунув его в направлении жертвы. Если он встретится с Элдричем...

И лучше бы так и произошло, осознал он, прежде чем эта новая корпорация в Бостоне начнет производство. Прежде чем она будет в состоянии функционировать без Палмера Элдрича. Его, как сорняк, нужно было выдернуть своевременно либо не выдергивать вообще.

Добравшись до своего номера в отеле, он заказал разговор с «Наборами П. П.», чтобы узнать, не поступили ли какие-то важные сообщения.

– Да, – сказала мисс Глисон, увидев его на экране. – С вами срочно хочет говорить мисс Импэйшенс Уайт – если я правильно поняла. Вот ее номер. Это на Марсе. – На экране появилась записная книжка.

Сначала Лео не мог вспомнить ни одной женщины по фамилии Уайт. Потом вспомнил и испугался. Зачем она звонила?

– Спасибо, – пробормотал он и сразу же отключился. Гос-

поди, если юридический отдел ООН подслушивал этот разговор. Действовавшая на Марсе Импи Уайт была одним из самых крупных торговцев кэн-ди.

Преодолевая внутреннее сопротивление, он набрал номер.

На экране видеотелефона появилась Импи Уайт, женщина с тонкими чертами лица и острым взглядом, по-своему красивая. Лео представлял себе более живописную фигуру, однако она и так выглядела достаточно воинственно.

– Мистер Булеро, я хочу вам сказать...

– Что, нет других способов? Других каналов?

Коннер Фриман, руководитель операции на Венере, всегда мог с ним связаться. Мисс Уайт должна была передавать информацию через Фримана, своего шефа.

– Мистер Булеро, сегодня утром я была в одном из барачков на юге с партией товара. Колонисты не хотели ничего покупать. Они утверждали, что потратили все скины на новый продукт. Примерно такой же, как... тот, который мы продаем. Чуинг-зет. И... – Она продолжала говорить, но Лео Булеро уже отключил связь.

Он сидел молча, потрясенный.

«Нельзя падать духом, – подумал он. – В конце концов, я прошел курс эволюционной терапии. Значит, так: это тот новый продукт бостонской фирмы. По всей видимости, его делают из лишайника Элдрича. Он лежит себе на больничной койке в миле отсюда и наверняка отдает распоряжения

через Зою, а я ничего не могу с этим поделать. Машина запущена и работает. Уже поздно. Даже эта стрелочка в языке, – с горечью подумал он, – ничем не поможет».

Однако он знал, что придумает что-нибудь. Как обычно. Это еще не конец для «Наборов П. П.».

Только что, в самом деле, мог он сделать? Он понятия не имел, и это отнюдь не уменьшало его беспокойство.

«Ну приходи же, идея, – молил он. – На что у меня искусственно развитые мозги? Боже, помоги мне победить врагов, этих выродков. Может быть, если бы я воспользовался услугами моих ясновидцев Рони Фьюгейт и Барни... Может быть, они до чего-нибудь додумались бы. Особенно этот старый пройдоха Барни. Пока что я его вообще нигде не использовал».

Он снова заказал разговор с «Наборами П. П.» на Земле. На этот раз он попросил соединить его с отделом Барни Майерсона.

Внезапно он вспомнил проблемы Барни с призывом, его попытки сделать себя неспособным переносить стресс, чтобы не окончить свои дни в бараке на Марсе.

«Я помогу ему, – угрюмо подумал Булеро. – Для него опасность призыва уже миновала».

Когда Булеро позвонил с Ганимеда, Барни Майерсон сидел один в своем кабинете. Разговор был недолгим. Когда он закончился, Барни взглянул на часы и удивился. Пять минут. Ему казалось, что разговор продолжался целую жизнь.

Он встал и, нажав на кнопку интеркома, сказал:

– Прошу пока никого ко мне не впускать. Даже... и в особенности мисс Фьюгейт.

Он подошел к окну и стал смотреть на жаркую, залитую солнцем пустую улицу.

Лео свалил всю проблему на его голову. Барни впервые видел своего шефа в отчаянии.

«Представьте себе, – думал Барни, – Лео Булеро сбит с толку – впервые столкнулся с конкуренцией».

Лео просто не привык к этому. Существование этой новой фирмы из Бостона полностью его дезориентировало. Он был беспомощен, как ребенок.

В конце концов Лео оправится от шока, но пока...

«Что я могу с этого иметь? – спрашивал сам себя Барни Майерсон и не мог найти немедленного ответа. – Я могу помочь Лео... Но что, собственно, Лео может сделать для меня? Этот вопрос куда более существенный».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.